

ИВАР РАВИ

КНИГА I

ХУРРИТ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Ивар Рави

Хуррит. Книга первая

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70404373

SelfPub; 2024

Аннотация

Офицер ГРУ Артур Найденов без колебаний согласился на опасное задание в тылу врага. Но он не мог предположить, что настоящие опасности начнутся потом: перенос во времени за 2000 лет до нашей эры. Хетты, хурриты, ассирийцы сплелись в междоусобной войне. Главный герой невольно окажется в самой гуще событий и нет уверенности, что друзья по несчастью прикроют спину в момент опасности.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	17
Глава 3	30
Глава 4	44
Глава 5	58
Глава 6	72
Глава 7	86
Конец ознакомительного фрагмента.	95

Ивар Рави

Хуррит. Книга первая

Глава 1

– Фамилия, имя, отчество, военная часть, звание?!

Голос словно шел издалека, так слышишь, когда в ушах полно воды. Перед глазами плясали яркие искорки, а голос тупо повторял свое требование.

– Окати його водою, – гнусавый голос раздражал больше, чем пучок света, слепивший меня. Невидимый мне человек хлестко выплеснул мне в лицо порцию воды, заставив закашляться. Но вместе с водой пришло некоторое облегчение – сквозь направленный свет я увидел силуэт человека, размытый из-за свечения лампы. Несильная пощечина заставила дернуться голову, окончательно приводя меня в сознание.

Зажмурившись, перевел взгляд вправо – помещение небольшое, следы старой краски, военнослужащий в опрятной форме, встретился со мной взглядом.

– Він прокинувся, – этот голос не был гнусавым, скорее задорным, мальчишеским.

– Фамилия, имя, отчество, военная часть, звание?! – вновь повторил гнусавый голос, привлекая мое внимание. Прищурил глаза, чтобы разглядеть говорившего, ответил,

чувствуя, как с трудом шевелятся разбитые губы и пересохло во рту.

– Меня зовут Ткачук Эдуард, я приехал на Украину по делам бизнеса, – с каждым словом ко мне возвращалась память.

– Ты лжешь, собака москальская, – визави дернулся, и от его удара у меня окончательно онемела верхняя губа.

– Какой ты Ткачук бизнесмен, тебя поймали у секретного объекта, и ты успел сломать троих наших людей. Еще раз спрашиваю, ты агент ФСБ, а может, ГРУ или СВР?

При слове «ГРУ» защемило сердце, так приятно прозвучало название моего ведомства даже у этого обладателя гнусавого голоса. В голове творился сумбур – я помнил все до того момента, как меня остановил военный патруль на хамвее. С этого момента, словно щелкнули тумблером, полная пустота в голове. «Ретроградная амнезия», всплыло в голове – в академии мы проходили практически все дисциплины.

– Меня зовут Ткачук Эдуард, я приехал на Украину... – договорить не дали – сильнейший удар в грудь опрокинул меня на пол вместе со стулом, к которому я был привязан. Сила удара была такой, что на секунд десять даже перехватило дыхание – мучительно силился вдохнуть, хватая воздух, как вытщенная на берег рыба.

– Підніміть його, – приказал гнусавый голос, и меня вместе со стулом привели в вертикальное положение. Легкость,

с которой меня подняли, вызвала некоторый шок, пока не увидел третьего персонажа в комнате. Это было гориллоподобное существо с весом под два центнера.

Человек с гнусавым голосом чуть изменил положение лампы, давая мне лучше осмотреться. Выждав пару минут, мой мучитель обратился ко мне:

– У тебя были в кармане документы на имя Ткачука, но я тебе не верю. Возможно, мои ребята немного перестарались, когда задерживали тебя, поэтому я дам тебе время до рассвета. Если утром ты продолжишь молчание – тебя просто расстреляют как диверсанта. У нас идет война, и церемониться мы не будем. Но если ты проявишь сознательность и все расскажешь, гарантирую жизнь и свободу. Если твоя информация окажется ценной – мы предоставим тебе убежище в одной из стран Евросоюза, на твой выбор. У тебя есть время до утра, мне надо отчитаться в Киев. Если я не расколю тебя – пристрелю и доложу, что была попытка к бегству.

Лампу они так и оставили – она не светила мне прямо в глаза, но давала достаточно освещения, чтобы видеть комнату. Перед уходом горилла пристегнула меня наручниками к батарее в стене, лишив иллюзий насчет плана бегства. Привязанный к стулу, да еще прикованный к батарее, я мог только мечтать. Да еще все тело болело, словно меня пропустили через мясорубку.

Мои мучители ушли, горилла на прощание плюнула мне в лицо, но промахнулась. Правда, вонь из его рта чуть не

вызвала у меня рвоту, а его слюна, попав на стену рядом с моим лицом, давала стойкий запах гниющих тухлых яиц.

Мучительно хотелось пить, запекаясь во рту кровь затрудняла дыхание. Нос либо был сломан, либо забит кровью – дышать через нос не мог. Пришпиленный к стене, привязанный к стулу, я снова и снова вспоминал разговор, произошедший всего неделю назад.

Всего полгода назад я закончил Московскую Военную Академию Министерства Обороны РФ и находился в оперативном резерве на базе в Красногорском. Поступить в академию ГРУ было мечтой с детства – лишенный родителей, выросший в детском доме, я не знал другой мечты, кроме служения Родине. Интерес к разведке подогревался фильмами и байками, что ходили в детском доме. О спецназе ГРУ ходили невероятные легенды. Я терпеливо учился всему еще в детском доме, ходил на секцию бокса и борьбы, посещал все кружки, выполнял общественную работу. И было неудивительно, что, прознав о таком парне, ко мне в скором времени наведались из ГРУ.

Отслужив срочную на Кавказе в одной из неспокойных республик, я поступил в Московскую Военную Академию и закончил ее с отличием в июне 2022 года. Несмотря на мое рвение послужить Родине, я был зачислен в оперативный резерв, где продолжал оттачивать навыки стрельбы и рукопашного боя, пока меня не вызвали к командиру.

– Лейтенант Найденов по вашему приказанию прибыл! –

отрапортовал генерал-лейтенанту Спицину. В комнате находился еще один человек в звании генерал-полковника.

– Вольно, Найденов, – генерал-лейтенант провел носовым платком по лбу, вытирая пот. Генерал-полковник молча наблюдал, но было в его взгляде что-то хищное. Его лицо мне показалось знакомым, небольшие усы под орлиным носом. Точно, это же герой России, возглавлявший до этого одну северокавказскую республику.

– Лейтенант, готовы служить стране? – голос генерал-полковника был без привычного кавказского акцента.

– Служу России, – вытянулся в струнку, вызвал улыбку у обоих генералов.

– Вольно, лейтенант, мне рекомендовали вас как отчаянного храбреца, готового на самопожертвование.

Вопрос был риторический, поэтому я промолчал, ожидая дальнейшего пояснения. И оно не заставило себя ждать:

– Есть одно очень важное и опасное задание, с большой вероятностью, что это билет в один конец.

Усатый замолчал, давая мне высказаться. Это был мой шанс – чем опаснее задание, тем оно почетнее и тем больше славы.

– Я готов, товарищ генерал-полковник, – прикусил язык, едва не назвав фамилию.

– У вас, я так понимаю, нет родни, вы воспитанник детского дома.

– Так точно, товарищ генерал-полковник!

Начальник базы включил проектор – на стене появилась карта с небольшим участком моря. Генерал-полковник лазерной указкой обозначил точку:

– Это Килия, небольшой городок в Одесской области. От Румынии его отделяет Дунай, это всего сотня метров. Что вы знаете о Румынии как о нашем потенциальном противнике?

Вопрос застал врасплох, но я моментально начал отвечать.

– Член НАТО, США развернули там систему противоракетной обороны, вооруженные силы немногочисленны, не имеют боевого опыта. Авиация слаба, патрулирование воздушного пространства в основном осуществляется самолетами НАТО. Военно-морские силы в основном представлены корветами и катерами береговой охраны...

– Достаточно, – перебил меня генерал-полковник. – Румыния не столь слаба, как нам кажется, хотя вояки из них никчемные. Так вот, главное, что эта страна – член НАТО, а у них есть пятый пункт, мы все знаем, о чем этот пункт.

Оратор сделал паузу, выпил немного воды и продолжил:

– Я курирую в Министерстве Обороны ВКС и летную подготовку, и именно с этим связано ваше задание.

Я нервно сглотнул – приближалась развязка, именно для этого и нужно было все это вступление.

– Месяц назад, наш самолет МиГ-35 ослепили в водах Черного моря, за двести километров от береговой линии.

Истребитель смог вернуться на базу, сказало мастерство летчика. Две недели назад СУ-35 не смог вернуться, вся электроника вышла из строя, моторы заглохли. Самолет мы потеряли, но спасли летчика.

Генерал встал и начал расхаживать по комнате, выдерживая паузу.

– Двумя днями позднее, – чиновник из Минобороны подошел вплотную к карте и указал на точку, – два наших «кальбра» сбились с навигации и залетели в Молдавию. Хорошо, что обошлось без жертв, иначе Запад завопил бы о дикарях-русских. А если бы ракеты упали в Румынии? Это был бы повод для НАТО вмешаться, они и так напичкали Украину оружием, – генерал-полковник разошелся не на шутку, лазерная указка сломалась в его огромных ручищах. Чертыхнувшись, генерал взял протянутую ему ручку.

– Так вот, сопоставив все наши данные с материалами разведки, в Минобороны пришли к выводу, что украинцам поставили самое современное радиочастотное оружие. Все данные, аналитика говорят о том, что, вероятней всего, оно размещено в Килии, максимально близко к румынской границе. Радиопомехи и облучение не новинка, но возможность вводить новую навигацию во время полета – с таким мы сталкиваемся впервые. Есть все основания предполагать, что в настоящее время не закончен полный монтаж всего оборудования, и когда все это произойдет – дело будет совсем плохо.

Замолчав, генерал выжидательно посмотрел на меня,

ожидая реакции. Сглотнув, обратился к собеседнику:

– Разрешите обратиться?

– Разрешаю!

– Если это оружие заработает на всю мощность, какова теоретическая площадь покрытия?

Генерал-полковник одобрительно хмыкнул:

– Прав был Палыч, когда выделил вас среди всех своих офицеров. Предположительно, пока нет точных данных, слепая зона для нашей авиации и крылатых ракет включит всю юго-западную и центральную Украину и половину акватории Черного моря. Мы не можем нанести удар по Килии, не зная точного местоположения. Кроме того, если не нарушить работу станции, нашему противнику ничего не стоит увести наши ракеты на территорию Румынии или Польши. Отсюда ваша задача состоит в следующем: первый этап – обнаружение. Второй этап – постановка маячка, по которому будут наведены ракеты. В случае постановки маячка, а у нас есть защищённые от любого воздействия, ничто не сможет увести ракеты с курса, – генерал-полковник хрустнул пальцами.

Оба генерала в комнате напряженно ждали ответа. Мне было абсолютно ясно, что задача трудновыполнимая. Возможно, мне удастся обнаружить сам объект. При невероятной везучести – я смогу поставить маячок. Но совершенно фантастическим казалось предположение, что, завершив оба этапа, я смогу благополучно покинуть территорию против-

ника. Под ложечкой засосало – это был билет в один конец.

Мое молчание расценили неправильно: генерал-лейтенант Спицин тяжело вздохнул, словно я разочаровал его, а в глазах второго генерала промелькнуло что-то похожее на презрение.

– Разрешите обратиться?

Генерал-полковник вяло махнул рукой, дескать, знаем мы, что ты можешь сказать.

– К выполнению поставленной задачи готов, служу России, – четко и достаточно громко отрапортовал, заставив улыбнуться усатого.

– Тебя с большой вероятностью поймают, Найденов, – Спицин сделал попытку успокоить свою совесть.

– У нас есть пара полковников на обмен, главное – не геройствуй, – генерал-полковник подошел ко мне, протягивая огромную ладонь, – благодарю тебя от имени Министра Обороны, твой поступок будет высоко оценен.

– Служу России! – в который раз произнес заученную фразу.

– С деталями тебя познакомят уже сегодня, будет новый паспорт, «легенда», познакомят с работой маячка. Через час приедет машина, тебя отвезут на новое место. Никому не звонить, никакой утечки информации, даже лучшему и самому надежному другу. Если тебя поймают, можешь говорить все, кроме настоящего предназначения маячка и твоей задачи. Удачи, сынок, – генерал-полковник обнял и притя-

нул меня к себе, удивив меня таким поступком.

– Разрешите идти? – по-уставному обратился к генералам, поняв, что им надо обсудить детали наедине.

– Разрешаю!

Получив согласие, вышел в приемную, где молодой ску чающий лейтенант раскладывал пасьянс на своем компьютере. Пришлось просидеть минут двадцать, прежде чем генерал-полковник покинул базу, а меня вызвал Спицин.

– Для всех ты отправляешься в Грозный, на базу Ханкала. Полчаса на сборы, и дуй сюда, вместе поедем на место.

– Есть, – козырнув, поспешил в казарму. Наши казармы существенно отличались от обычных – даже телевизоры имелись. Было место для отдыха с русским бильярдом и теннисным столом. Родных у меня не было, девушкой обзавестись не было времени, сборы заняли всего десять минут. Торопливо попрощавшись с коллегами по службе, раньше времени прибыл в приемную, встреченный любопытным взглядом адъютанта.

Следующую неделю провел на секретной базе в подмосковном лесу, где со мной по очереди беседовали психологи, картографы и электронщики. Сам маячок был идеально замаскирован под пачку сигарет «Собрание». Даже на ощупь материал был картонным. Электронная начинка представляла собой плату размером с сим-карту старого образца. Плата была на магнитной основе, крепилась к любому металлу.

Пачка из-под сигарет тоже была непростой – это был защитный контур Фарадея, не дававший заглушить работу маячка. Моя задача была трудной и одновременно простой – при обнаружении объекта пристроить маячок не далее, чем в десяти метрах.

У меня никогда не было ненависти к украинцам, прекрасно понимал, что братский народ оказался заложником у своей недалёковидной власти. Помню, когда был Майдан, приведший к отстранению Януковича от власти, даже тогда, будучи школьником, доказывал, что таков выбор братского народа. Но одного я не понимал – как украинцы, выбравшие европейский вектор развития, не дали выбрать свой вектор населению Крыма и восточным областям. Ведь если ты ратуешь за право самоопределения, чего так рьяно добивались участники Майдана, нельзя отказывать в этом праве жителям страны, чьи взгляды идут вразрез с вашими.

Потом было долгое противостояние самопровозглашенных республик с центральной властью Украины. И несмотря на призывы населения республик, Россия долгое время не вмешивалась, считая все происходящее внутренним делом самих украинцев. И лишь когда позиция Киева стала откровенно враждебной, а все надежды на мирное урегулирование были исчерпаны, лишь тогда Россия начала спецоперацию. Я давал присягу защищать свою страну, как давали ее и украинцы по ту сторону фронта. Понимая, что каждая сторона считает только себя правой, старался избегать

яростных споров, будучи уверен, что по первому зову страны встану на ее защиту. И этот зов пришел – иностранное оружие стало угрозой не только военным самолетам, даже гражданские самолеты могли попасть под его облучение. И если на базу приехал заместитель министра обороны – ситуация была серьезней некуда.

В Украину въехал на пароме из Грузии – это был самый удобный путь в Одессу. Три дня я анализировал и осматривал участки под свой бизнес – по легенде моя фирма занималась изготовлением амуниции. А я, Ткачук Эдуард, присматривал место для развития бизнеса, чтобы помочь украинскому народу в правом деле. «Легенда» работала великолепно – градус ненависти к братскому народу был так высок, что с первых слов меня считали в доску своим.

На четвертый день пребывания в Килии мне удалось увидеть отдельную линию электропередач с изолированным кабелем солидного сечения. Кабель уходил внутрь двух трехэтажных построек – со слов специалистов ГРУ, радиочастотная станция нуждалась в огромном количестве энергии.

Каждую ночь, ровно в 11 часов, происходила имитация воздушной атаки по Килии – вой сирены и обесточивание важных объектов нужно было для проникновения за периметр. Этот вариант был продуман еще на подмосковной базе. И на четвертую ночь в городе я решился – выждав момент начала сирены и обесточивания периметра, благодаря

физической подготовке перемахнул через забор и пристроил маячок в паре метров от железной двери двухэтажного здания, куда входил кабель. Мне даже удалось вернуться за периметр, когда в упор наткнулся на военный патруль. Помню, что ударил первым, и толпу солдат, ринувшихся на меня. Видимо, пропустил удар сзади прикладом – затылок раскалывался от пульсирующей боли.

Пришел в себя уже в этом помещении, похожим на допросную времен Октябрьской революции. Если маячок исправно работает – наши уже получили сигнал, и можно с минуты на минуту ожидать удар по секретной базе.

Измотанный, я даже умудрился заснуть в этой позе бабочки, пришпиленной к стенке, не услышал, как в замке проворачивается ключ. Разбудил меня тычок в лицо:

– Пришло время умирать, москаль!

Я не знал, что гориллы умеют разговаривать, но это был не сон – вчерашняя горилла-мучитель довольно скалилась, пиваясь моим беспомощным положением.

Глава 2

Ждали важную шишку или меня собирались предъявить журналистам. Ничем иным не объяснить, как с меня теплой водой смывали следы крови, повели в туалет, даже помогли помочиться. От наручников на руках остались багровые следы – пригласили сухопарого врача в очках, который смазал мои синяки вонючей мазью. Я по-прежнему был одет в свой черный спортивный костюм «Найк» и кроссовки «Асикс». На улице было пасмурно – на плечи мне накинули камуфлированную куртку, пока вели к припаркованному автомобилю. Наручники на руках сменила стяжка – если не напрягать руки, переносится такой вид иммобилизации намного легче. Посадив в машину, надели на голову черный мешочек, словно террористы, везущие заложника на казнь. Все это происходило в абсолютной тишине – моя просьба выпить воды тоже была удовлетворена.

Ехали недолго, минут пять, и машина въехала во двор, где с головы сняли мешок. Обычный типовой двор казенных учреждений времен Союза – будка часового, антитаран, серое штукатуренное трехэтажное здание.

Предъявив удостоверение, мои сопровождающие провели меня по лестнице на второй этаж и остановились перед табличкой: Служба безпеки України, слідчий Штик М.Г.

– Увійти, – прозвучало на осторожный стук. Внутри каби-

нет не соответствовал аскетичному виду самого здания. Хорошая мебель, кулер в углу, шкаф, заполненный бумажными папками и парой книг, угловой диван с журнальным столиком. Качественный ковролин на полу, заглушавший шум шагов. Сидевшему за столом мужчине было примерно лет пятьдесят. Он напоминал киноактеров – импозантный брюнет с первыми седыми волосами на висках. Одетый в дорогой костюм, мужчина пах хорошим парфюмом, поигрывая сигарой в руках.

– Проходите, садитесь – палец с перстнем указал на подопье кресла, и в сравнении с креслом хозяина это была просто табуретка, такие были в ходу еще в начале нулевых. Табуретка, или пародия на кресло, должна была подчеркивать никчемность сидящего на ней, где надо было сохранять равновесие, не расслабляясь ни на секунду.

– Свободны, – обратился хозяин кабинета на русском к моим провожатым. Когда за ними закрылась дверь, он сцепил руки перед собой. Пристально рассматривая меня, как восьмое чудо света. Пауза затянулась, прежде чем хозяин кабинета прервал молчание:

– Штик Микола Геннадьевич, оперативный отдел контрразведки, – украинец сделал паузу, давая мне ответить.

– Ткачук Эдуард Сергеевич, бизнесмен.

– А может, Найденов Артур Владимирович, офицер ГРУ с отличием закончивший военную академию? – Штик усмех-

нулся при виде моего лица – при всем моем самообладании меня поразила его информированность.

– Да-да, молодой человек, у нас очень хорошие осведомители, и мы работаем не хуже вас, – откинувшись на спинку кресла, украинец наслаждался произведенным эффектом. Пока Штик выдерживал театральную паузу, мой мозг лихорадочно работал: сомнений не было, в нашем ведомстве работал крот. То, что я отправляюсь на задание, знал очень ограниченный круг людей. Я вспомнил слова генерал-полковника – говорить обо всем, давать любую информацию, кроме непосредственного задания.

– Вы правы, я Найденов, – меня всегда раздражала моя фамилия, но мне ее дали в детском доме, потому что корзину со мной, двух месяцев от роду, обнаружили перед самой дверью. В корзине лежала солидная пачка денег и клочок бумаги, где было написано Артур Владимирович. Имя и отчество мне оставили, а вот фамилию дали с легкой руки санитарки.

– Есть два варианта нашего диалога, – Штик отрезал кончик сигары и, шумно выдыхая, раскурил ее.

– Первый путь – вы проявляете максимум уважения к своему коллеге, пусть и из вражеского стана, и мы, соответственно, ведем себя так же. И второй путь – вы врете, пудрите мне мозги, виляете. Я теряю время, вы теряете возможность на обмен. А по нашему законодательству, шпионаж – тягчайшее преступление, и срока меньше 25 лет вы не полу-

чите. Вот и подумайте, нужно ли вам провести всю жизнь за решеткой, чтобы выйти на свободу, если доживете, конечно, старым и больным человеком? Я противник силового допроса, офицеры ГРУ к этому готовы, сам знаю. Но есть много методов узнать правду – от полиграфа до сыворотки правды. Беда в том, что сыворотка только в Киеве, а вот полиграф у нас имеется.

Штик замолчал, попыхивая сигарой, давая мне время обдумать. Обманывать полиграф нас учили, все три раза я отлично прошел тест. Хитрость состоит в том, чтобы изначально, на самые простые типовые вопросы отвечать с «волнением». В таком случае формируется ложная индикаторная нить, которая впоследствии маскирует неудобные вопросы. Если полиграфист очень умный – он может распознать такой обман. Но зарплаты у них невысокие, и мало кто горит желанием сидеть на этом аппарате, протирая штаны.

– А без полиграфа не поверите мне? – ни в коем случае нельзя показывать, что не боюсь полиграфа.

– Поверю, но с полиграфом поверю больше, – выпустив густые клубы дыма, особист поднял телефон и отдал соответствующее распоряжение. На правах хозяина мне предложили кофе, от которого я не отказался. Напиток оказался хорош, попросить вторую чашку не позволила гордость, но Штик прочитал это в моих глазах, попросив секретаря принести еще порцию.

Полиграфистом оказалась девушка, нет, не так, ДЕВУШКА большими буквами во всем слове. Среднего роста, с рыжими локонами по плечи, с бровями, как крылья ласточки, девушка смотрелась очаровашкой в военной форме. Хорошо подогнанная форма подчеркивала тонкую талию, выгодно облекая все выпуклости. Губы, кожа, ногти – все кричало о хорошем уходе, таких девушек называют премиальными.

– Микола Геннадьевич, я готова! – Девушка приготовила аппарат и сидела в ожидании. По зуммеру в кабинет вошли двое мордovorотов – с меня сняли стяжку, давая возможность восстановить кровообращение.

– Дай ему пять минут Адочка, – Штик явно благоволил к полиграфистке, даже не стесняясь ласкательной формы имени. Но девушке это явно не понравилась – она вспыхнула румянцем и мотнула головой, отчего ее рыже-красные локоны взметнулись игрой огня. Наши глаза встретились, и я явно увидел в них злость и отчаяние. Видимо, внимание особиста напрягало и раздражало девушку.

– Я готов, – мне почему-то стало обидно за эту красавицу, ведь я ее проведу, как котенка слепого. Наши полиграфисты были матерые мужики, но и их удавалось обманывать. Подождав, пока девушка закрепит все манжеты и присоски, я незаметно задержал дыхание на вдохе. Не получая кислорода при высоком содержании углекислого газа в крови, мозг дает команду сердцу ускориться – так начинается обман полиграфа.

Вначале последовали рутинные вопросы, на которые просто невозможно соврать. Трудно ответить «Нет» на вопрос «Сейчас день?», если за окном светит осеннее солнце. Но я старался, отвечая даже на самый простой вопрос, моментально вызывая в памяти худшие моменты из своей жизни.

Но Ада оказалась непростой девушкой – она хмурилась, вчитываясь в показания прибора и зачастую повторяла одни и те же вопросы. Пару раз я уловил удивление на ее лице, словно девушка поняла мою игру. И я не ошибся, девушка оторвалась от прибора и без обиняков заявила:

– Микола Геннадьевич, он пытается обмануть прибор. – Мордвороты, стоявшие у двери, дотронулись до автоматов, сделали шаг вперед, словно собирались применить физическую силу.

– Артур Владимирович, мы же вроде договорились, – Штик поднялся из-за стола, и остановился в паре метров от меня, – мне нетрудно сменить отношение к вам, только вы пожалеете.

– Я волнуюсь, боюсь, – выпалил, изображая страх на лице. Стоящие у двери усмехнулись, явно радуясь моему состоянию. Не будь я так сильно истощен после вчерашнего, даже с учетом явного превосходства противника в численности, мог бы попытаться одержать верх. Но опутанный проводами и ослабленный, я не ел уже вторые сутки, а отбитые ребра не давали вздохнуть полной грудью, и шансов было немного.

– Боязнь – нормальное чувство, оно присуще всем людям, но вам бояться нечего, мы не варвары, – Штик вернулся за стол, скомандовав Аде:

– Повтори!

В этот раз я «волновался» меньше, на большинство вопросов отвечал честно. На лице Ады заиграла улыбка – девушка поверила, что нашла мою индикаторную линию. Я знал, что готовятся вопросы касаясь моего задания и заранее мысленно «зубрил» ответ.

Допрос длился около двадцати минут, когда после серии успокаивающих вопросов полиграфистка перешла к сути:

– Ваше задание?

– Сбор информации о поставках оружия через румынско-украинскую и польско-украинскую границу, – выдал заготовленный ответ. Девушка слегка нахмурилась и повторила свой вопрос несколько раз, перефразируя его. Ее состояние заметил и Штик, спросивший:

– Ну, что там Адочка?

– Вроде он не врет, но линия несколько повышается, – девушка покрутила настройками, – Уменьшу чувствительность аппарата, может, это от усталости.

– На такой вопрос трудно ответить хладнокровно, – философски заметил Штик, раскуривая новую сигару. Девушка бросила на него неприязненный взгляд и продолжила допрос. Скрывать фамилию Спицина было глупо, если они знали кто я, то про него знали и подавно. Когда вопросы стали

повторяться уже без перестановки слов, я понял, что допрос близится к концу. Ада просто выполняла рутинную работу - нужно было сличить индикаторную линию начала и конца допроса.

– У меня все, – бросив на меня короткий злой взгляд, девушка стала снимать присоски и манжеты. Оба мордоворота подошли: один держал меня на прицеле, а второй затащил стяжку на руках, остановив кровообращение.

– Вы хотите, чтобы мне ампутировали кисти? – на мой вопрос Штик мотнул головой мордовороту. Тот разрезал стяжку и затащил новую, но на этот раз не так туго.

– Выведите его и подождите за дверью, – меня повели в коридор. Сытые холеные лица охранников раздражали, не удержался, чтобы не пустить шпильку:

– Почему сало на Украине?

– Москалям не по карману, – не растерялся первый, а второй коротко ткнул кулаком в ребра, вызвав острую боль в левом подреберье. Мы простояли минут десять, прежде чем появилась Ада со своим чемоданчиком. Штик вышел практически следом: я думал, что девушка уходит, но она остановилась рядом, испепеляя меня взглядом.

– Жениться не обещал, – выдал я реплику, на которую оба охранника улыбнулись, заметившие состояние девушки.

– В монастырь ушла бы, чем за москаля, – не осталась в долгу Ада, вызвав хохот у мордоворотов. Далась им эти мос-

кали, можно подумать, меня обижает это слово. Мне пофиг, хоть чуркой меня назови, лишь бы дали возможность выкрутиться с этой ситуации.

– Микола Геннадьевич, куда его? – пробасил мордovorот, ткнувший меня кулаком.

– В машину, поедem на место, где его задержали, у Адочки есть идея, – Штик пошел первым, за ним повели меня, замыкала процессию красавица украинка в форме. Теперь пришел мой черед бросить на нее неприязненный взгляд: внешность ангела, а душа демона.

– Давай Хамви, – распорядился Штик дежурному. Машину пришлось подождать, видимо, стояла в гараже и использовалась для особых случаев. В этот раз мешок на голову мне не надевали, мы катили по узеньким улочкам довольно симпатичного городка. На втором ряду капитанских сидений устроилась Ада со своим аппаратом, меня же втиснули сзади, прижав своими телами, холенные охранники. Обратил внимание, что у всех модификация автомата Калашника 105 модели. Даже у нас это была не очень распространенная модель. У Штика разглядел Глок 17 в поясной кобуре, было ли оружие у Ады, кроме ее красоты, не видел. На девушке сверху была накинута куртка, скрывавшая ее филейную часть.

Штик сказал, что мы поедem на место, где меня задержали. А задержали меня прямо у периметра перед тем самым зданием. Это значило, что мои ответы их не совсем удовлетворили и остались невыясненные моменты. Словно прочи-

тав мои мысли, Штик, не оборачиваясь, сказал:

– Есть подозрение, Артур Владимирович, что вы сказали не всю правду. Вас задержали у режимного объекта, но в том районе нет ничего для вас интересного, если верить цели вашего задания. И Ада предположила, что вы недоговариваете, она считает, что даже без ваших ответов, основываясь на показаниях сердцебиения, частоты дыхания и потливости, сможет выяснить, что именно вас интересовало. Мне кажется, вы недооценили нашего специалиста, – Штик рассмехался противным смехом.

Меня бросило в жар – я установил маячок еще ночью, но судя по тому, что мы едем именно на то самое место – наши еще не отбомбились. Неужели маячок не послал сигнал, или радиопомехи американского оружия заблокировали его работу? А если Штик прав, и мое сердцебиение укажет на место, где установлен маячок? Я же провалю задание, которое с таким трудом выполнил. Со связанными руками я не смогу справиться с мордоворотами – спецподготовка в ГРУ была на высоте, но все же уступала подготовке индийских актеров. Оставалось ждать удобного момента – чтобы использовать полиграф, им придется развязать мне руки. Это мой единственный шанс – лучше умереть при попытке получить свободу, чем провалить задание и быть осужденным на всю свою жизнь.

Неожиданно перед нами возник затор – грузовая машина создала пробку. Разворачиваясь, водитель грузовика не

рассчитал длину своего фургона, и фура намертво заблокировала проезд. Сзади нас оказались несколько машин, пока Штик, выйдя из Хамви, расчистил дорогу. Пока он осыпал всех матами, прошло несколько минут.

– Поехали в объезд, – зло буркнул особист, вваливаясь на переднее сиденье.

Пока машина ехала в объезд, а нам пришлось порядочно проехать обратно из-за реки, лихорадочно размышлял. Ничего умного, кроме геройской смерти при попытке побега, на ум не приходило. Первое задание и конец карьеры военного разведчика. От этой мысли даже негромко рассмеялся.

– Ты чаво? – мордovorот чуть не брызнул на меня слюной, обдав запахом чеснока и сала.

– Ты хоть раз в жизни зубы чистил, салоед? – Мои слова вызвали короткий смешок у Ады, сидевшей к нам вполоборота.

– Я тобой сейчас задницу почищу, – рассвирепел охранник, обиженный скорее смешком Ады, чем моими словами.

– Петро, не шуми, – окрик Штика подействовал, верзила обмяк и даже чуть отодвинулся. Мной овладела безудержное веселье – видимо, адреналин зашкаливал от скорой смерти.

– Зачем вам полиграф, ваш Петро так может дыхнуть, что вся правда сама полезет наружу с остатками пищи подозреваемого.

В этот раз Ада даже прикрыла рукой рот, чтобы не рас-

смеяться в голос. Обиженный Петро засопел, но промолчал, помня слова шефа. Встретившись взглядом с девушкой, я улыбнулся, вызвав ответную улыбку, которую девушка поспешно стерла с лица.

– Приехали, ты готова, Адочка? – машина затормозила, подняв кучу пыли.

– Выведите его из машины, но руки не развязывайте, – скомандовал Штик, выбираясь наружу. Поймав мой удивленный взгляд, полиграфистка пояснила:

– Мне давление не нужно, достаточно ЧСС и ЧДД, – я был готов поклясться, что услышал извиняющиеся нотки в ее голосе. Показалось это и Штику, нахмурившемуся на слова девушки. Моя надежда попытаться удрать угасла – со связанными руками против четверых шансов ноль.

– Что ты от нас скрывае ... – остаток фразы Штика утонул в истошном вое сирены. На его лице отразилось недоумение, но реагировал он быстро.

– В машину, быстро! – мордовороты хоть и выглядели как тугодумы, но реагировали без промедления. Не обращая внимания на старенький белый авто, оказавшийся рядом с нами, мои охранники ринулись вперед. Словно куль, меня закинули внутрь, несчастные ребра едва не завопили от боли, хлопнули дверцы, и взревел мотор.

Стало невозможно дышать, я почувствовал, что моя грудная клетка готова разорваться, с трудом повернув голову на бок, увидел выпученные глаза охранников, а секунду спустя

все вокруг озарилось таким ослепительным светом, что глаза на мгновение ослепли. Следом наступила крошечная тьма.

Глава 3

Вроде в легких нет нервных окончаний, иначе каждый вдох и выдох сопровождался бы болью. Но у меня легкие болели, болели так сильно, словно в них плескался жидкий металл, сжигавший меня изнутри. Болело все тело, будто по мне проехался грузовик, и, преодолевая боль и сдерживая стон, я открыл глаза. Наш Хамви лежал на крыше в метре от меня, причем было ощущение, что автомобиль не просто опрокинулся, а сброшен с большой высоты: крыша и стойки были смяты почти на всю длину оконных проемов, зиявших пустотой.

Фокусируя взгляд и щурясь от яркого солнца, не сразу понял, что лежу в траве, частично примятой, частично выгоревшей. Что за херня? Голова поворачивалась с трудом – адские боли простреливали аж до самой поясницы. Повсюду, куда хватало зрение, расстилалось зеленое поле высокой травы. Галлюцинации? Я ведь точно помню, что вспышка настигла нас у секретного объекта, а там худо-бедно было заасфальтировано. Да и сам секретный объект исчез: я, конечно, понимаю мощь наших ракет, но, чтобы стереть пару кварталов с лица земли и засадить его травой в полметра высотой, такого оружия не мог припомнить.

Еле слышный стон донесся из раздавленной, лежащей на крыше машины. Подняться на ноги сил не было, отталкива-

сь ногами, помогая руками в стяжке, подполз на пару метров. Внутри был кавардак – три человеческие фигуры сплелись в подобие Гордиева узла, не давая угадать, где начало, а где конец человеческого тела. Стон повторился, одна из рук слабо шевельнулась.

– Живые есть? – мой вопрос прозвучал странно в абсолютной тишине. А тишина была оглушающая, не было даже дуновения ветерка, ни одна травинка не колыхнулась, не говоря о животных звуках.

– Помоги, – прозвучало из недр раздавленной машины. Голос был еле слышный, но спутать его с мужским я бы не смог при всем желании. Ада! Через боковой оконный проем невозможно было выйти даже девушке с хрупкой фигурой, я пополз налево, чтобы осмотреть возможность выхода через лобовое стекло. С каждой секундой силы понемногу возвращались – любопытство пересилило желание вытащить девушку. Пошатываясь, я встал на колено, рывком поднимая свое непослушное тело в вертикальное положение. Кругом расстилалась зеленая равнина, ни одного деревца или кустика, не говоря о городских строениях, глаз не выхватил.

В салоне машины послышался звук: вспомнив об Аде, я начал перетирать стяжку о край оставшегося куска лобового стекла. Дважды порезав руки, я смог перетереть эту пластиковую удавку: кровь хлынула в освобожденные пальцы, заставляя вскрикнуть от чувства распирания.

– Я иду, потерпи секунду, – наполовину втиснувшись в

салон военного джипа через проем лобового стекла, осмотрелся. Фигур было три, но только женская подавала признаки жизни. За время, пока я возился со стяжкой, девушке удалось спихнуть с себя одно из тел. Протянув руку, ухватился за ее предплечье левой рукой, правой перехватывая кисть.

– Я сейчас потяну тебя, если будет больно, скажи.

Девушка промычала нечленораздельное, впиваясь ногтями в мою ладонь. Осторожно потянув, остановился:

– Нигде не болит?

– Нет, – хрипло послышалось в ответ. Подтянув ее к проему окна, отполз назад: предстояло самое трудное.

– Отпусти руку, надо убрать осколки стекла, чтобы ты не поранилась.

Отпускать руку Ада не собиралась, пришлось силой отцепить. Обив ногой торчащие куски стекла, снова ухватился за украинку:

– Сейчас вытащу, – старясь тянуть плавно, вытащил Аду наполовину из машины. Увидев, что она почти на воле, девушка сама рванула так, что я едва успел перехватить ее ногу. Не сделай я этого, она бы точно поранилась о кусок гнуптого металла, не увиденный мной ранее.

– Все, спокойно, я помогу тебе, – пошатываясь, Ада встала и потеряла дар речи, увидев море травы вокруг. Вопрос застыл в ее глазах, а вместо слов изо рта вырвалось нечленораздельное.

– По-украински не понимаю, – моя шутка прошла мимо ушей девушки, испуганно озирающейся вокруг.

– Надо посмотреть, выжил ли кто еще, – отпустив дрожащую девушку, встал на колени, собираясь вползти внутрь машины.

– Нет, – Ада вцепилась в мои волосы, оттаскивая меня от машины. Девушка не отошла от шока, ее расширившиеся зрачки делали ее похожей на наркоманку. У меня не было времени утешать, в машине могли оставаться живые. Мы, волею судеб, стали врагами, но сейчас все было забыто, люди могли нуждаться в помощи.

Несильная хлесткая пощечина – и Ада обмякла: беззвучно рыдая, она опустилась на примятую траву.

Первым, кого я вытащил, оказался водитель: парень дышал, хотя был без сознания. Вторым мне удалось вытащить Штика – одного взгляда было достаточно, чтобы понять – особист отбежался. Дуло автомата пробило его грудь и там и осталось, вызвав обильное кровотечение. Третье тело принадлежало Петро – как и свой босс, украинец в данный момент переправлялся через Стикс, если Харон согласится взять этого увальня в лодку. Не хватало еще одного охранника, я вылез, успел поранить локоть о какую-то железяку. Оставалась одна стороны машины, не увиденная мной до сих пор. Вероятно, последнего охранника, как и меня выкинуло из машины.

Обойдя машину, я замер: с этой стороны был спуск при-

мерно метров в пятьдесят, заканчивавшийся в овраге. Внизу, на самом дне оврага, виднелось что-то белое, неестественное на фоне зеленого моря травы.

– Да чтоб тебя, – невольно вырвалось, как только мозг осознал, что это тоже машина. Двинувшись на спуск, буквально через пару метров наткнулся на четвертого охранника: парень был жив и даже в сознании. Он сидел в густой траве, тупо уставившись перед собой.

– Живой?

Хохол вздрогнул при моем вопросе и тупо выдал:

– Ты кто?

– Дед Пихто! Идти можешь? Внизу машина, в ней могут быть люди, надо им помочь.

– Ты кто? – повторил свой вопрос мой безымянный охранник, но все же встал, едва удержав равновесие. Этот безмозглый идиот даже не потерял свой автомат при падении. Отработанным движением он закинул автомат за спину и сделал первый шаг за мной, дико озираясь:

– Где мы?

– Не знаю, разберемся, вначале посмотрим, есть ли кто в машине, – первой мыслью было как можно скорее оказать помощь. Но увалень за спиной, вооруженный автоматом, не лучшее соседство. Это он сейчас не понимает, что случилось, а пройдет пара минут, не факт, что не решит пристрелить.

– Тебя как зовут? – придержав шаг, дал ему поравняться с собой и, не дожидаясь ответа, провел правый боковой. Парень рухнул, как подкошенный: забрав автомат, вытащил два магазина из разгрузки и быстро обыскал. Кроме перочинного ножа, тоже реквизированного мной, оружия не было. Я на секунду замешкался, думая связать его или оставить до возвращения, когда нокаутированный начал подавать признаки жизни.

«Силен гад», – пронеслось в голове – после такого неожиданного удара, так быстро прийти в себя.

– Очнулся? – на мой вопрос парень замотал головой, пытаясь сконцентрироваться.

– Как тебя зовут? – повторил я свой вопрос, надо же как-то к нему обращаться.

– Андрий, – помогая себе руками, хватаясь за траву, украинец встал на колени. Его глаза зацепились за автомат в моих руках.

– Это мой?! – прозвучало полувопросительно.

– Был, теперь это мой. Если идти можешь, шагай вниз, надо помочь людям.

По его глазам было видно, что он собирается вернуть свое оружие. Отступив на пару шагов, я передернул затвор:

– Не советую, попытаешься, сразу отправлю к Бандере на кофе. Шагай!

Андрий смирился, или, скорее, отложил попытку реванша: я шел за ним на расстоянии пяти метров. В фильмах ча-

сто видно, как конвоир чуть ли не впритык идет за преступником. Это большая ошибка – если впереди идущий что-то задумал, у него преимущество, ведь время атаки выбирает он. А чтобы отреагировать на его действия, среднестатистическому человеку нужна секунда. Секунда – очень большой промежуток времени, если человек отчаянный и не боится смерти. Помня наставления с академии, я держал почти-тельную дистанцию – не хватало быть обезоруженным после того, как завладел оружием. Но оставался еще Хамви, там как минимум еще два автомата, не считая пистолета Штика. Пусть водитель и без сознания, но Ада была вполне способна пристрелить меня в спину даже сейчас – расстояние мизерное.

– Стой, – остановил я Андрия. Человеколюбие требовало дойти до белой машины в густой траве – до нее оставалось меньше двадцати метров. Но был риск нарваться на пулю от Ады или водителя внедорожника, если парень придет в себя.

– Иди к машине и осмотри ее, если там есть живые, приведи их к Хамви, – украинец потопал вниз по высокой траве, я же бросился назад, проклиная себя за невнимательность. Расстояние в тридцать пять-сорок метров преодолел быстро и едва не опоздал. Ада вытаскивала пистолет из поясной кобуры мертвого Штика: не теряя времени на предупреждения и крики, отшвырнул девушку в сторону. Выронив пистолет, Ада упала в траву, издав слабый крик.

– Это ты меня пулей хотела отблагодарить за свое спасе-

ние? – сняв кобуру с пояса мертвого особиста, залюбовался Глоком – реально отличный пистолет. Пришлось снять и ремень со Штика – мой с меня сняли еще накануне. Подпоясавшись, почувствовал себя увереннее. С автомата, торчащего из груди Штика, снял затвор, спрятав его в карман. Оставался еще автомат водителя, по-прежнему находившегося без сознания. Я видел его в машине, когда мы ехали к объекту. Ада отрешенно смотрела вдаль, вариантов не было, не мог же я ее связать, пока снова лезу в салон Хамви. Понадеявшись на русское «авось», полез внутрь.

Автомат нашелся быстро, но уже вылезая наружу, я получил удар в спину такой силы, что потемнело в глазах. На пару секунд меня даже парализовало, от мысли, что мне могли перебить позвоночник, по коже прошел мороз. Второй удар прикладом по спине я почувствовал интуитивно, уже почти выбравшись полностью. Меня обдало холодом, и я инстинктивно подался направо: удар прошел по касательной, задев область левой подвздошной области. Перекатившись в сторону, не выпуская из рук автоматы, присел на колени, вскидывая автомат.

– Клянусь, ты меня уже достала, дай мне только повод убить тебя! Бросай автомат, сука!

По своей натуре очень не люблю ругаться, но боль в спине кардинально поменяла отношение к слабому полу, что бьет тебя прикладом по позвоночнику. Ада уронила автомат на траву, в ее глазах была неприкрытая ненависть. Дура! Я, воз-

можно, ее наилучший шанс выжить в этом неведомом месте, водитель Хамви до сих пор в отключке, а Андрий вряд ли обучен моим навыкам.

– Где мы, что случилось?

– Не знаю, – зло буркнул в ответ. Все мое первоначальное восхищение этой красноеволосой красавицей прошло, оставив место злости. Ее вытаскиваешь из разбитой машины, вытаскиваешь ее коллег, а она норовит убить. Что с людьми стало за последние тридцать лет, ведь жили же одной дружной семьей народов. Впрочем, эта девушка едва ли застала великую страну, ей на вид-то меньше, чем договору в Беложежской Пуще.

– Там внизу еще одна машина, твоего соплеменника послал на разведку, – заполнил возникшую паузу, – Водитель не приходил в себя?

– Данила он, брат мой двоюродный по матери, – всхлипнула девушка, присаживаясь рядом с лежащим без сознания. – Я его тормозила, пульс ровный, дышит сам, но в сознание не приходит.

– Дай посмотрю, – приподняв голову, обнаружил на затылке крупную гематому. Похоже, водителю досталось серьезно, если было кровоизлияние в мозг – точно не жилец. Я только открыл рот, чтобы немного утешить Аду, с размазанными соплями и слезами она выглядела беззащитной девочкой, как последняя радостно вскрикнула:

– Андрий!

– Предатель твой Андрий, – буркнул злой, что чуть не поддался жалости к врагу, вспомнил героя романа Гоголя. Андрий шел к нам, неся, перекинув через плечо, человеческое тело.

Я снова быстро огляделся – во все стороны, сколько хватало зрения, уходило зеленое травяное море. Никаких намеков на присутствие человека, никаких инверсионных следов на небе, а солнце припекало как-то явно не по-осеннему. Да и трава была сочная, зеленая, как в конце весны или в самом начале лета.

– Один только в машине был, – опустившись на колени, Андрий аккуратно положил мужчину перед собой на траву. У мужчины было разбито лицо – осколками посечена левая щека и довольно крупная ссадина на лбу. На правой скуле красовалась выраженная припухлость, подозрительно напоминая скулу самого Андрия. Поймав мой взгляд, украинец виновато развел руками и показал на запястье:

– Укусил меня, когда я его вытаскивал, двинул его маленько, очухается.

Мимо меня промчалась Ада, бросившись в объятия Андрия: они торопливо заговорили на украинском. До сих пор использовали русский язык, а как встретились – сразу перешли на свою мову.

– Так, слушайте сюда, – привлек внимание парочки, – С этого момента говорим только на русском. И прежде всего

надо привести в чувство этого чудика, может, он скажет что-то полезное.

– По какому праву ты запрещаешь нам говорить на родном языке? – вскинулась Ада. Ее глаза горели, а маленькие кулачки были угрожающе сжаты.

– По праву человека с оружием, – я повел стволом автомата. С оружием надо было что-то делать – я не мог постоянно иметь при себе три автомата и шесть магазинов. Я все-таки человек, а не вьючное животное. Но и давать врагу в руки оружие, пусть даже и без затвора, было опасно. Но и выкинуть не мог – жаба душила. Неизвестно, где мы оказались и как сильно оружие может понадобится.

– Мы будем говорить на русском, пока не доберемся до людей. Там наши дороги разойдутся – я к своим, а вы в Гейропу, – шутку не оценили. Ада скривилась, а Андрий смачно сплюнул.

Лежащий застонал, привлекая к себе внимание. Это был мужчина чуть старше меня, примерно одного возраста с Андрием. На вид ему было тридцать или около того. Одет мужчина был в вельветовую куртку рыжего цвета, простые чёрные штаны и выдавшие виды кроссовки черного цвета. Клетчатая рубашка и платок синего цвета в нагрудном кармане относил его к интеллигентному сословию, вероятно, учитель или бухгалтер.

– Помоги ему, Андрий, – почему-то я называл украинца

не Андрей, а Андрий.

Мужчина вновь застонал и открыл глаза, облизнул пересохшие губы:

– Кто вы?

– А ты сам кто? – ответил я вопросом на вопрос. Андрий и Ада не вмешивались – то ли признали мое главенство, то ли обдумывали пакость.

– Саленко Виктор Сергеевич, доцент кафедры энеолита – медного века Института археологии национальной академии наук Украины, – с небольшим вызовом ответил «ботаник». Мужчина оглядел нас, словно пытался понять, какое впечатление произвело на нас перечисление его регалий. Андрий с Адой вновь вполголоса переговаривались на украинском, проигнорировав мое предупреждение. Переведя на одиночный, выстрелил под ноги Андрию: тот подскочил, словно ужаленный, побелев как мумия.

– Боже! – испуганно воскликнул Саленко, отползая от меня в страхе.

– Нет, всего лишь Артур, но для вас не менее опасен, чем сам Господь, если еще раз проигнорируете мои слова.

Звук выстрела произвел положительное впечатление на водителя, лежавшего без сознания. Парень рывком присел, обвел нас глазами и снова обмяк.

– Данила, – ринулась к нему смеясь Ада, но водитель успел повторно отключиться. Андрий, видимо, усвоил урок – злобное выражение на его лице сменилось равнодушием

обреченного. Он, проигнорировав Саленко, присоединился к Аде: вдвоем им удалось привести парня в чувство и даже посадить его.

– Я дам ему воды? – В голосе Андрия был страх, – В машине было несколько бутылок.

– Дай, но смотри, без фокусов, ты у меня на прицеле, – отойдя немного назад и вбок, увеличил площадь обзора, чтобы всех держать в поле зрения. С трудом протиснувшись внутрь, украинец вылез через минуту с тремя полуторалитровыми бутылками воды. Дал ему напоить водителя Данилу, но как только Андрий поднес бутылку к губам, остановил украинца:

– Не пей, неизвестно где и когда мы найдем воду, я не вижу нигде признаков воды и цивилизации.

– Где мы? – робко подал голос Саленко, принявший к тому времени вертикальное положение.

– А вот это нам сейчас и придется выяснить, где мы и что делать, извечно русский вопрос, – я ухмыльнулся, видя, как натянулись физиономии коллег по несчастью. Громкий хрип под ногами заставил вздрогнуть – Штик, которого я считал мертвым, выпускал кровавую пену, его открытые глаза внимательно и цепко смотрели на меня.

– Дайте ему воду, – мое указание выполнили мгновенно. Мне нужен был живой Штик, пусть даже на пять минут, чтобы узнать, что за объект взорвали наши ракеты по моему ма-

ячку. Вся проблема была связана именно с этим взрывом, и я узнаю, что мы уничтожили. Ведь то, что мы оказались посреди бескрайней степи, поросшей сочной зеленой травой, однозначно было связано с той странной ослепительно-белой вспышкой.

Глава 4

Штик оказался невероятно живучим: пробитая стволом автомата грудная клетка, обильная кровопотеря, а он пришел в сознание. Знай, что он жив, аккуратней бы выдернул автомат из его грудной клетки. Его налитые кровью глаза смотрели на меня, практически не моргая. Говорить Штик мог только с паузами, с каждым разом все тяжелее. Он пыривался отдать команду арестовать меня, пока я, продемонстрировав все три автомата и пистолет на поясе, не дал ясно понять, кто здесь диктует правила.

Его напоили водой – содержимое одной бутылки приобрело красноватый оттенок, умирающий ублюдок подгадил даже этим. Если к Петро, Даниле и Аде у меня не было ненависти, пусть они и оказались по другую сторону фронта, к этому особисту симпатии не испытывал. Дождавшись, когда Штик напился и успокоился, перестав пускать кровавые пузыри, поманил к себе Саленко.

– Виктор, приподними его, мне надо задать ему пару вопросов.

Нервно сглотнув, археолог приблизился к Штику, следившим за нами красными яблоками злых глаз.

– Отойдите, пока мы поговорим, – Андрий и Ада послушно отошли к Даниле, парень в это раз спал, дыхание было

ровное, глубокое.

– Скажи мне, что за объект был там, где мы были, где меня поймали?

– Пшел ты, – голос Штика сорвался, он захрипел, пуская кровавые слюни.

– Я-то пойду, но мы в степи. Ты пойми, мы не в Килии, помощи ждать неоткуда. Эта вспышка была необычной, странной.

– Она меня ослепила, – осмелев подал голос Саленко, – Я даже не понял, как оказался здесь.

– Москаль, – каждый вдох и выдох Штику давался с трудом, – ты виноват.

– Ты умираешь, но Ада еще может выжить, дай мне понять, что случилось? – Упоминание красивой украинки сделало свое дело. Несколько раз вздохнув, Штик собрался с силами:

– Квантово-радиочастотный облучатель, секретная разработка американцев, – тоненькая струйка показалась изо рта особиста.

– Он потерял сознание, приведи его в чувство, надо еще кое-что узнать, – на мои слова Саленко покачал головой:

– Он мертв, он назвал вас русским, – археолог правильно оценил ситуацию – Вооруженного человека лучше называть на «вы».

– Все мы русские, только кое-кто об этом забыл, – отмахнулся от его слов, поднимаясь с колен. Штик мертв, жаль,

мне надо было узнать побольше про эту секретную разработку. Судя по характеру местности, взрыв вызвал телепортацию. Но мы все равно на родной планете, а раз так, рано или поздно я доберусь до своих. А нашему генштабу ой как пошла бы информация про эту секретную разработку. Поручил еще раз проверить пульс у Петро – кто же знал, что украинцы такие живучие. Не хватало еще, чтобы и этот ожил, набросившись на меня, как зомби.

– Народ, идите сюда, надо кое-что обмозговать, – чуть отойдя от трупа Штика, дождался выживших.

– Мы все видели вспышку, после которой очнулись здесь, – присутствующие молчали, соглашаясь со сказанным. – Я думаю, что взрыв или, вернее, эта вспышка, каким-то образом создала телепортацию, нас закинуло в какие-то дебри. Но есть один момент, который я не могу объяснить, – сделав паузу, снова подождал, но никто не спешил высказываться.

– Какое сегодня число?

– Двадцать второе сентября, – первым ответил Саленко, безоговорочно признав во мне лидера. Остальные молчали, не понимая к чему я клоню.

– Осмотритесь вокруг, – я сорвал пучок травы, – Разве бывает такая зеленая трава в конце сентября, даже на юго-западе Украины?

– Что ты хочешь сказать? – Ада впервые за долгое время

посмотрела мне в глаза.

– Произошло что-то странное, – продолжил, непрерывно наблюдая за Андрием. Саленко был хлипкий, Данила в отключке, а этот бугай силен и опасен.

– Мы не видим следов самолетов в небе, ладно, небо закрыто, и гражданская авиация не летает здесь. Но ведь нет и следов военных самолетов или следов ракет. Время года не соответствует осени, скорее, это раннее лето. Кроме двух наших машин, нет намека на цивилизацию – ни пластиковых бутылок, ни проселочных дорог, ни мусора. А в наше время трудно найти такой нетронутый уголок природы. Телефон не видит сотовой сети – мой остался в СБУ, но телефон Саленко безуспешно искал сеть.

– Мы на другой планете? – Андрий оказался не так глуп. Признаюсь честно, мне самому приходила такая мысль в голову. Читая разные книги на досуге, с чем только не сталкиваешься – и попадание на разные планеты и попаданцы в каменный век. Особенно понравилась эпопея космонавта, создавшего цивилизацию Русов в каменном веке.

– Я не знаю, – честно признался украинцу, – Но даже такое не исключено. У меня три возможных варианта – телепортация в девственный уголок природы. Например, ближе к экватору – это бы могло объяснить наличие такой густой свежей растительности. Второй вариант – планета-двойник нашей Земли или параллельная Вселенная с копией нашей планеты. И третий...

– Перенос во времени в будущее или прошлое, – опередил меня Саленко, даже подпрыгнув на месте. Он возбужденно начал ходить кругами, то срывая пучки трав, то вглядываясь вдаль.

– Чему вы радуетесь? – Ада не смогла скрыть неприязненности в голосе. Потеряв интерес к археологу после своего вопроса, девушка возразила мне:

– Все это чушь, фантастика, вы, русские, любите все усложнять. Пока мы были без сознания, ваша диверсионная группа нас накачала каким-то газом, перевезла куда-то в район Сочи и инсценировала этот апокалипсис.

– Еще раз назовешь лжецом, получишь по пятой точке, – девушка вспыхнула, но возразить не решилась. Между тем Саленко вспомнил про вопрос Ады:

– Чему я радуюсь? Так я же археолог, моя спецификация – каменный-медный век. Что может быть для ученого лучше, чем натуральная реконструкция событий, чем своими глазами увидеть развитие человечества?

– Это в случае, если нас забросило в прошлое. А если это не наша планета или мы в будущем?

Мое замечание охладило пыл археолога, он даже поник, бормоча: «Будущее всем неизвестно, прошлое ведомо археологам».

– И что нам делать? – видимо, до Ады наконец дошло, что наше положение серьезное.

– Я предлагаю перемирие, пока мы не выйдем к людям или не поймем, что это просто невозможно.

Оба украинца и девушка с интересом взглянули на меня.

– Я получу свой автомат? – Андрий даже сделал шаг вперед.

– Не сейчас, получишь, как я буду уверен, что ты не пристрелишь меня, – украинец даже не смог скрыть разочарования. Саленко кивнул, выражая, что готов следовать перемирию, Ада презрительно хмыкнула. Она умудрилась прибрать волосы и вытереть размазанные по лицу потеки грязи, снова становясь красавицей.

– Обычно после авиакрушения людям предписывают находиться рядом с самолетом, так их легче обнаружить. – сделав паузу, жестом пригласил к обсуждению, но все хранили молчание. Даже болтливый Саленко немного вжал голову в плечи, словно ожидал услышать неприятное.

– В нашем случае это не вариант...

– Почему? – хлестнуло по ушам. И снова рыжеволосая наывается, а ведь мое терпение не безгранично.

– У нас нет еды, а главное, запасы воды минимальны. Этот хряк, – я кивнул в сторону мертвого Штика, – испортил одну бутылку. На нас пятерых всего три литра воды – с учетом жары, это вода на сегодняшний день, если не экономить.

– А если экономить? – в этот раз девушка спросила без резкости.

– Два дня максимум, учитывая, что у нас есть пострадавший, – я показал на Данилу.

– Ему и тебе, – Ада слушала внимательно, – по мере необходимости, но все же экономя. Нам троим, – обвел пальцем себя, Андрия и Саленко, – по три глотка дважды в день. Может, сможем продержаться три дня, если будем соблюдать установленную норму.

– И тебе тоже только три глотка дважды в день? – уточнила девушка, не сводя с меня подозрительного взгляда.

– А почему мне должно быть не как всем? – ответил вопросом.

– Так у тебя же оружие, – с недоверием протянула девушка, впервые увидев во мне человека.

– Мы сейчас все в одном положении, и чем раньше это все поймут, тем безопаснее будет всем. Кроме того, девочка, я русский, а мы не привыкли злоупотреблять своим положением, учти и сделай выводы.

– Ты говорил, что оставаться не вариант, – похоже, только Ада сохранила ясность ума. В голосе девушки не было враждебности. – Тогда что нам делать, в какую сторону идти?

– Пусть выскажется каждый, я не хочу навязывать свою волю.

– Мы находились в Килии у самой границы с Румынией. Дунай был западнее нас, но сейчас я его не вижу, – Саленко высказался первым, – На мой взгляд, нам надо держаться реки, когда ее найдем.

– А где река? – Андрий засопел, потом довольно ловко взобрался на Хамви. Пару минут он вглядывался во все стороны, махнул рукой и упавшим голосом констатировал:

– Нигде не вижу реки.

– Что скажешь?

Ада вздернула бровь на мой вопрос:

– Воздержусь, я понятия не имею куда идти, тем более что нам делать с Данилой? Я его не брошу, – в голосе девушки появились угрожающие нотки.

– Никто его не бросит, мы же не звери и не ваши западные союзники, – кольнул девушку, ответившую мне злым взглядом.

– Давайте пойдем на север, этот задохлик, наверное, прав, – спрыгнув с машины, Андрий сплюнул на землю.

– Раз вы хотите на север, пойдем на север, – не стал я перечить, увидев удивление в глазах Ады.

– Там будут наши, – невольно вырвалось у девушки.

– Вот и прекрасно, значит, мне ничто не угрожает, – на мои слова Ада с Андрием переглянулись. – Я бизнесмен, на Украине был по делам, ты же сама проводила мне тесты на полиграфе.

Девушка на секунду задумалась, а вот Андрий спросил сразу:

– Так может, автомат отдашь?

– Отдам, но не сейчас, – ответил уклончиво. Надо было

хоть немного усыпить их подозрения – я не смогу сутками держать их в поле зрения. может кое-кто на моем месте сразу пристрелил бы бандеровцев, но случившееся было необычно. Вначале надо хотя бы понять, где мы и в каком времени, прежде чем принимать решение по вчерашним противникам.

– Держи, Виктор, – повесил два автомата без затворов на плечо Саленко: тот стоически вынес тяжесть, довольный оказанным доверием. Облачившись в разгрузку, снятую с Петро, рассовал магазины, став похожим на Винни-Пуха.

– Еще одно, – убедившись, что меня слушают, продолжил, – В дороге могут быть опасности, поэтому уясните – любое мое указание выполняется безоговорочно. Я забочусь о безопасности всей группы, поэтому не теряем времени на пререкания и обсуждения. Виктор, что-нибудь полезное есть в машине?

– Что, например? – Саленко, может, и доцент кафедры, но как человек явно отстал от жизни.

– Спички, соль, канистры, веревка, проволока, фонарик, бинокль, да много чего, – не стал я удлинять список.

– Есть веревка, я ее постоянно вожу в машине, чтобы огородить место раскопок. И колышки, колышки есть, – радостно вспомнил археолог.

– Машина твоя вроде не перевернулась, давай автоматы пока мне, а сам дуй к машине и неси веревку с колышками. Саленко почти бегом отправился выполнять поручение.

– Андрий, полезай внутрь Хамви, там наверняка найдется что-нибудь полезное. Я пока обыщу оба трупa.

Ада скривилась на мои слова, но мне было не до ее гримас. Нам нужны огонь и вода, нужна еда, нужно еще много чего. Каждая мелочь может пригодиться, в такой ситуации не до сантиментов. В кармане Штика обнаружилась зажигалка Зиппо, я вспомнил, как он раскуривал сигары на допросе. Были деньги – пачка гривен и две сотенные долларовые бумажки. Был даже книпсер – кусачка для ногтей. Вначале я ее откинул, но передумав, нашарил в траве и сунул в карман.

В кармане Петро обнаружилась связка ключей, пачка сигарет «Собрание» и газовая зажигалка.

Добыча Андрия была солиднее – две десятилитровые канистры, одна пустая, вторая – полная солярки. Портативный светодиодный фонарь, моток тонкой бечевки, пачка стяжек – такими у меня были стянуты руки.

– В самый конец не пробраться, сильно придавлено, – пожаловался украинец, демонстрируя свою добычу.

– А что это торчит?

Оглянувшись, Андрий ответил:

– Складная саперная лопатка, если вдруг машина застрянет.

– Берем, – украинец полез в проем, не задавая вопросов. Показался Саленко, навьюченный, как ишак. То, что он назвал веревкой, был тонкий альпинистский шнур, судя по размеру мотка, не меньше ста метров. И двадцать полуметро-

вых металлических колышек с шляпкой.

– Больше ничего полезного не было?

– Нет, – тяжело дыша, Саленко свалил все к моим ногам.

Будь у меня возможность самому полазить во внутренностях обеих машин, уверен, нашлось бы много полезного. Но сделав это, я бы поставил себя в уязвимое положение, а рисковать, когда все против тебя, не больно хотелось.

Фонарь, стяжки, моток тонкой бечевки из Хамви и обе бутылки с водой вручил Аде:

– Ты наш Водолей, Ада!

– Я Дева, – чуть поспешно огрызнулась девушка, принимая поклажу.

– Это ненадолго, – пробормотал себе под нос, но девушка услышала. Ее лицо приобрело пунцово-красный оттенок, гармонируя с цветом волос.

– Извини, глупость ляпнул, – отвернулся, чтобы не видеть ее гневно-презрительного взгляда. Обе канистры и моток веревки повесил на Саленко, игнорируя его жалобные взгляды. Автоматы пришлось снова закинуть на плечо, такую ношу археолог не смог бы потянуть.

– Андрей, – я впервые назвал украинца на русский лад, – Ты самый здоровый, тебе нести Данилу.

Опережая вопрос, вертевшийся на языке Ады, пояснил:

– У меня оружие, мои руки должны быть свободны, на случай встречи с опасными животными.

– Да у нас не осталось опасных животных, – поспешил заверить археолог, нагруженный, как вьючное животное.

– А тех, что оставались, убили ваши бомбы, – язвительно заметила девушка, наблюдая как осторожно Андрий взваливает на плечо ее двоюродного брата.

– У вас хватает бандеровцев, – парировал колкость Ады, – А они опаснее медведей и волков. И вообще, мы на западе Украины, здесь менталитет другой, – решил сгладить неловкий момент.

– Немцы это почувствовали на себе, почувствует и любой, кто сунется сюда, – Ада завелась не на шутку. Начинаясь перемирие грозило рассыпаться в пух и прах, но удержаться не мог.

– Как поляки во время Волынской резни? – на эту реплику даже Саленко бросил на меня обиженный взгляд. Но сама Ада ответить не успела – ее прервал протяжный волчий вой. Казалось, что он идет со всех сторон, нарастая, с каждой секундой становясь все ближе.

– Волки, летом, – пробормотал я, чувствуя неладное. Вой приближался – высокая трава делала четвероногих хищников невидимыми. В такой густой траве их увидишь всего за пару метров, когда уже ничего не успеть.

– Живо, все на машину, – скомандовал. – Бросайте все, кроме воды и Данилы.

Первым на перевернутый Хамви взобрался Саленко. Протянув ему автоматы, помог Андрию взгромоздить Данилу на

перевернутый кузов, вторым этапом вскарабкался сам, протягивая руку Аде:

– Хватайся, быстрее!

Едва девушка оказалась наверху, выхватил автомат, снимая его с предохранителя. Крупный волк, размером с теленка, вылетел из густой травы и всего пару сантиметров не достал до ноги украинца, успевшего взобраться в последний момент. Выстрел прозвучал оглушительно – пуля попала в грудь хищнику, но он еще дважды сделал попытку запрыгнуть на машину. Буквально секунду спустя из травы показались серо-черные тела. Успев мысленно отметить, что окрас волков несколько необычный, сделал еще три одиночных выстрела, убив одного и ранив второго. Визг и рычание раненого волка. Несколько охладил охотничий азарт хищников.

– Дай мне автомат, – Андрия трясло от страха.

– Подожди, они не бросаются, а нам надо экономить патроны, посмотри – вон сколько их.

Волков было много – я насчитал порядка двух десятков, а сколько еще оставалось в густой траве, одному Богу известно. Волк чрезвычайно умный хищник, но эти волки либо были тупые, либо никогда не видели оружия. Я наводил автомат на хищников. Но они вообще не реагировали. А как же инстинкт? Только вой и визг раненого волка их сдерживал, на мертвых сородичей волки не обращали никакого внимания. Чтобы проверить свою догадку, выстрелил в ближайше-

го. Визг второго раненого волка несколько озадачил хищников, они сгрудились вокруг него, словно пытались понять, что именно причиняет боль их сородичу, если добыча и враг не вступает с ними в схватку.

– Они никогда не видели человека, не боятся выстрелов, – Саленко озвучил то, что у меня буквально вертелось на языке.

– Это значит, – я сделал паузу, ожидая ответа археолога.

– Мы в прошлом, возможно, до появления человека разумного, – в голосе Саленко звучала радость. Но меня пробрал страх – мне приходила в голову подобная мысль, но я ее гнал. Не хотелось верить, что такое могло случиться в жизни, это ведь только в книгах бывают чудеса. А в реальной жизни тебя ждет старость, геморрой и смерть от инфаркта. В глубине души чувствовал большое облегчение, что смог задушить в себе желание расстрелять врагов. В диком мире все проблемы наших стран теряли смысл, главной задачей было выжить любой ценой.

Был еще один немаловажный момент – я так и не узнал кто крыса в нашем ведомстве, кто продался хохлам. Вероятность того, что оставшиеся в живых СБУшники могли это знать была ничтожной, но все же оставалась. Будут подчиняться и сотрудничать – сохраню жизнь, пустить в расход всегда успею.

Глава 5

Смерть и ранение нескольких собратьев заметно остудили пыл волков: они постоянно перемежались в высокой траве, кружа вокруг нашего автомобиля. На крыше Хамви мы просто физически не уместились бы, но будучи перевернутым, автомобиль давал достаточно пространства, чтобы уместить пятерых.

Волки подходили к трупам Штика и Петро, но, обнюхав их, теряли интерес. Куда больше их занимали раненые собратья, к ним хищники проявляли неподдельный интерес. Одному из волков пуля перебила позвоночник – он пытался ползти, опираясь на передние лапы, задние безвольно волочились по густой траве. Несколько волков, проявляя интерес к раненому, покусывали его за ляжки, даже пытались поднять на ноги. Волк, не чувствуя укусов, стойчески пытался ползти и спустя время скрылся в высокой траве.

Андрей уже в третий раз попросил автомат, и снова я отказал. Высота Хамви не позволяла волкам атаковать нас со всех сторон. Автомобиль лежал почти ровно, только лицевая часть немного оказалась ниже. Здесь я и занял позицию, уверенный, что смогу отбить нападение. Мне совсем не улыбалось получить пулю в спину от вчерашнего противника.

Само поведение хищников было невероятно странно: большая стая в летнее время занималась совместной охотой,

противореча всем законам природы. Сейчас было время, когда волки, разбившись на пары, должны были либо рожать волчат, либо готовиться к этому. Так, по крайней мере, говорилось во всех передачах про животных. Одним из преимуществ проживания в детском доме было телевидение: спутниковые каналы были везде и в неограниченном количестве. Моими любимыми передачами были каналы про животный мир и оружие.

– Виктор, ты встречал такое поведение волков? – Саленко вскочил, заставив немного накрениться Хамви, лежавший на крыше.

– Аккуратнее, – пожурила археолога Ада. Она примостилась прямо в центре, положив голову своего двоюродного брата на колени.

– Не знаю, я волков никогда не встречал, – пожал плечами Саленко, оглядываясь вокруг. – Мне кажется, что они уходят.

Действительно, часть волков скрылась в траве, но это скорее было ложное отступление. Колеблющиеся травы показывали, что хищники кружат недалеко, не отказываясь от охоты на нас.

– Я знаю, что зимой волки сбиваются в стаю и могут нападать на людей. Но летом, – опустив конец фразы, Андрий замолчал.

– У этих волков странный окрас – верх серый, живот черный, – озвучил свои мысли вслух. – И они абсолютно не бо-

ятся людей, оружия, их не интересует падаль. Надо что-то делать, мы не можем находиться на машине бесконечно долго, а если наступит ночь, окажемся в невыгодном положении.

Мои слова восприняли молча – каждый и сам понимал, что так долго продолжаться не может. На какое-то время наступила тишина, прерываемая возней невидимых врагов, да поскуливанием раненых хищников.

Солнце находилось в зените – припекало серьезно.

– Время пить воду, помните про норму, – одна из бутылок пошла по рукам, под зоркими взорами остальных. Япил последний, как и подобает сильному лидеру. Вода слегка нагрелась, и несчастные три глотка не принесли желаемого эффекта.

– Командир, мне надо в туалет, – несчастный Саленко чуть не пританцовывал на месте.

– Не зови меня так, я Артур, можно Арт, – только титулов мне не хватало. Едва сдерживая смех, спросил:

– Надеюсь, только по-маленькому?

– Да, да, – с готовностью подтвердил археолог.

– Аккуратно пройди назад и сделай свое дело, – Саленко дернулся при моих словах:

– Как? У всех на виду?

– Можешь сойти вниз и сделать это в компании волков, – раздраженно ответил за меня Андрий. Похоже, его раздражал Саленко, а может, ему не нравилось, что археолог с ходу

признал меня лидером.

– Никто на тебя смотреть не будет, да и станешь ты к нам спиной, – успокоил археолога, – Только убедись, что ветер не в нашу сторону, не хватало нам еще душа.

Сдержанный смешок Ады заставил покраснеть Саленко, он последовал моему совету и перебрался в конец машины.

– Это касается всех – и тебя, Ада. Мы не в том положении, чтобы стыдливость могла принести вред.

Девушка проигнорировала мои слова, а мое внимание привлекло оживление в траве. Там что-то происходило, трава колебалась, и движение травинок указывало, что к машине идут хищники. Выйдя на пространство примятой травы, три волка остановились: в середине волк был привычной нашим глазам окраски. Именно таким его изображали художники и таким я его видел в передачах.

– Это вожак, – констатировал Андрий после пары секунд молчания.

– Она самка, альфа-самка, – вспомнил слова одного из специалистов с Нейшнл Географик, – А волки по бокам – доминантные самцы, с которыми альфа спаривается.

– Убей ее, или дай мне это сделать, – украинец оживился, вскакивая на ноги. Его стокилограммовая туша заставила слегка покачнуться Хамви – все три волка мгновенно скрылись в траве. Только собирался отругать украинца, как в траве началась сумятица: прозвучал короткий вой, и волки рванули в западном направлении. Колеблющиеся травы указы-

вали путь стаи – хищники внезапно бросили осаду, поспешно удаляясь на запад.

– Они убегают, – радостно констатировал Саленко, снова оказываясь рядом со мной.

– Это может быть уловкой, – я придержал за плечо археолога, собиравшегося спуститься вниз, – Подождем немного. Но ждать практически не пришлось – буквально через десятков секунд с северо-восточного направления послышались странные звуки, напоминавшие собачий лай и детский плач одновременно.

– Это еще что-такое? – мой вопрос повис без ответа: огромная стая черно-желтых зверей высыпала из высокой травы: послышался жалобный скулеж раненых волков в траве. Раненые хищники не могли последовать за стаей и стали жертвами появившихся врагов.

Появившиеся звери выглядели странно – большеухие, с короткими хвостами, черными спинами и фрагментами желтых вкраплений, преимущественно на животе и боках. Они тявкали, визжали и носились вокруг, словно малые дети. Если волков я насчитал порядка трех десятков, это этих зверьков было куда больше.

– Гиены? – Саленко вцепился в мою руку, мешая мне целиться.

– Нет, скорее дикие собаки или что-то в этом роде.

Выстрел прозвучал оглушительно – а секунду спустя

незванных гостей словно ветром сдуло. Только трава указывала, в каком направлении ретировались собаки: их путь лежал на запад, по следам ранее ушедшей волчьей стаи. Их тьявканье и плач затихали по мере удаления от нас.

Обе стаи хищников пришли с северо-востока: на этот факт никто не мог возразить.

– Предлагаю двигаться в южном направлении, – Ада и Саленко поддержали сразу. Андрий тоже согласился, добавив, что неразумно самому лезть в пасть к хищникам.

– Я иду первым, за мной Ада, следом Андрий с Данилой на руках. Замыкает шествие Виктор, – обозначил порядок следования, едва мы спустились вниз. Уже собираясь покинуть место, бросил взгляд на обувь Петро – на ногах красовались берцы отличного качества.

– Виктор, сними берцы с Петро, они ему ни к чему, а нам могут понадобиться.

Идея Саленко не понравилась, но он молча начал расшнуровку. К сожалению, обувь Штика не подходила для путешествия по дикой местности: на его ногах красовались лакированные туфли на каблуке. Андрий вскинул Данилу на плечо, и в это время парень пришел в себя.

– Что происходит? – слова парня вызвали радость Ады, она с визгом бросилась обнимать брата, осторожно опущенного на землю.

– Что происходит, где мы? – вновь повторил уже более

уверенным голосом парень. Ада торопливо рассказала, пока мы терпеливо ждали. Когда она дошла до места, что мы идем на юг, парень оживился:

– Это же в сторону Румынии, почему не в сторону Одессы?

– Нет никакой Румынии или Одессы, парень, – вступил я в разговор, – И чем раньше все это поймут – тем лучше.

– Как нет? – синхронно спросили Ада и Андрий, Данила лишь непонимающе переводил взгляд с меня на сестру.

– Вы где видели волков и такую стаю странных собак? Какое с утра было число? 22 сентября? Оглянитесь вокруг – это похоже на сентябрь? Мы были в Килии? Где город? Где Дунай, на берегу которого стоит Килия? Где антенны у ваших телефонов? Неужели непонятно, что мы в необычном месте и нет никакой разницы в каком направлении идти?

– Юг предпочтительнее, – пробормотал Саленко, – Цивилизации развивались там, где тепло и есть вода.

На его слова не обратили внимания – ошарашенные люди переваривали информацию, полученную от меня.

– Идти сможешь?

Данила кивнул и внезапно спросил:

– Ты разве не тот москаль, что мы везли в машине?

– Тот самый, – подтвердил я догадки парня, – Тот самый, что вытащил вас из машины и благодаря кому вы еще живы. И честно говоря, сам удивляюсь почему еще не прикончил вас всех – вы со мной не стали бы церемониться! По-

ка ты был в отключке, меня единогласно признали лидером, своеволия не потерплю. Андрей, поддерживай его, вряд ли он сможет далеко пройти. А теперь вперед, нам надо найти место для ночлега до наступления темноты, кто знает, какие еще твари здесь бродят.

– Я голодна, – слова Ады частично разрядили обстановку, в сотый раз мысленно клял себя, что сразу не разделался с этими детьми Бандеры. Чем дольше мы общаемся – тем тяжелее это сделать, своего рода "стокгольмский синдром".

При упоминании о голоде почувствовал, как скрутило живот и кишки отозвались урчаньем. У меня не было ничего во рту со вчерашнего вечера.

– Если здесь водятся волки и собаки, должны быть и травоядные, что-нибудь добудем. Помните порядок следования, ступайте по моим следам и постоянно будьте наготове – высокая трава наш враг.

Я оказался прав – Данилу хватило на пять минут ходьбы, парень завалился и упал бы, если бы не страховка Андрия. Проигнорировав слабые попытки Данилы, украинец взвалил его на плечо, так мы шли дальше. Несколько раз Саленко, которому чудилось преследование в высокой траве, вынуждал остановиться и сбиться в кучу. Выждав пару минут и убедившись в необоснованности его страхов, давал команду идти дальше.

Через два часа пути остановились на привал. Тяжело ды-

ша, Андрей опустил Данилу рядом с собой – парни о чем-то коротко переговорили на мове.

– Данила, – привлёк внимание пострадавшего, – Ты не знал и поэтому простительно. Но мы договорились, что разговаривать будем на русском языке, чтобы у меня не возникло подозрений. Я уже пару раз предупреждал, больше этого делать не буду.

– И что, пристрелишь? – перебила меня Ада.

– Нет, просто нарушивший останется сам по себе без воды и оружия, жалко тратить пули на нацистов.. Мне не нужны в команде люди, не умеющие слушать. Сейчас отдохнем полчаса и пойдем дальше, нужно найти воду, при такой жаре наши скудные запасы закончатся уже завтра к обеду.

Пока все отдыхали, я размышлял, почему нам до сих пор не встретились травоядные. С одной стороны, для них здесь море травы, но, с другой стороны, две крупные стаи хищников вполне могли извести даже крупное поголовье. Что толку от автомата, если не встречается дичь?

Отдых немного затянулся, но все хорошее кончается.

– Подъем, – скомандовал группе, поднимаясь на ноги. И в этот момент увидел стаю птиц, летевших с востока в южном направлении. Что за птицы, разобрать было сложно, стрелять не имело никакого смысла – слишком далеко для прицельной стрельбы. Но Ада думала иначе:

– Стреляй, это же еда, – подскочив ко мне, девушка даже несколько раз дернула меня за рукав.

– Слишком далеко, только патроны потрачу.

– А ты очередь, хоть одну зацепишь, – если полиграфисткой Ада была хорошей, то военная подготовка у нее хромала. При всех плюсах автомата стрельба очередью делает невероятный разброс. Уже на расстоянии ста метров очередь из автомата может показывать разброс до пары метров. А до птиц было минимум втрое больше, да еще и стрельба по летящей цели. Здесь и высоту надо определить верно, и упреждение.

– Хватит, я не буду тратить патроны на бессмысленную стрельбу, идем дальше, – в глазах Андрия увидел согласие со своими словами. Военная подготовка у украинцев всегда была неплоха, они еще во времена СССР составляли костяк младших офицеров и инструкторов.

Через полчаса ходьбы ландшафт начал меняться – встретились первые кусты, так и не опознанные нами. По части флоры я был профан, да и остальные не отличались знаниями. Кустики стали встречаться все чаще, а сама равнина – превращаться в пологий подъем. Плавный пологий подъем немного затруднял передвижение, но трава стала заметно ниже. Помет, похожий на несколько лепёшек в куче, увидел первым Саленко, хотя и шел последним.

– Это похоже на коровий, – археолог даже потрогал руками.

– Холодный, старый помет. – находка вызвала небольшое

оживление, но радоваться было рано.

– Идем дальше, преодолеем тот пологий холм, сможем осмотреться.

Я поднялся на небольшой холмик, опережая группу метров на двадцать: трава была очень низкая, все стороны просматривались далеко. Поднявшись на холм, еле сдержал крик радости – примерно в километре, южнее холма, извинаясь речка, переливаясь под лучами солнца.

– Река, – указал направление рукой, вызвав радостные крики у своей группы. Река всегда дает надежду – издревле люди привыкли селиться вдоль рек, да и фраза, что идя по реке, выйдешь к людям, не лишена смысла.

Стоя на верхушке холма, старался обнаружить следы человеческого присутствия. Но ни городов, ни дыма от костра не было видно. Повсюду, сколько хватало глаз, простиралась холмистая равнина. Петляя и извиваясь, река простиралась с северо-запада на юго-восток.

– Это Дунай? – Ада дышала тяжело, прядь ее рыжих волос слиплась на лбу, грудь тяжело поднималась, стараясь вздохнуть поглубже.

– Скорее всего Дунай, – ответил на вопрос девушки.

– А где же Черное море?

– Не выкопали вы его еще, вы пока первые древние укрытия в этом мире – отшутился, окидывая взглядом все стороны. Если море и было, то точно не в пределах видимости. Ада слишком устала, чтобы отвечать на мои подколы.

– Идем к реке или отдохнем?

Я жестом спросил Андрия – ему приходилось тяжелее всего, парень весь обливался потом. Дважды Данила спускался на землю с его плеча, но сил хватало лишь на несколько минут самостоятельной ходьбы.

– Сдюжу, – коротко ответил Андрий на мой немой вопрос.

– Пятиминутный отдых, и идем к реке, если кто сильно хочет пить – по паре глотков.

От воды никто не отказался – бутылка опустела мгновенно, оставив в запасе последние полтора литра. Саленко отшвырнул пустую бутылку, но сам же пошел за ней, после моих слов, что тару нельзя терять.

Километр до реки прошли довольно быстро – небольшой уклон придавал ускорение. Два невысоких дерева, опознанных Саленко как карагач, росли на излучине. В этом месте даже образовалась небольшая отмель. Левая часть отмели была забита бревнами, сучьями – течение веками приносило сюда весь древесный хлам. Гора буерака частично находилась в воде, течение в этом месте почти останавливалось. Воды на первый взгляд была чистая, но у камней на отмели была вся в черных разводах.

– Это икра, командир, – Саленко первым догадался. Зачерпнув горсть воды, я тоже разглядел икринки, образовавшие гирлянды.

– Соберите сухой хворост, надо разжечь огонь, чтобы

вскипятить воду, – подавая пример, сам направился к куче. Громкий всплеск привлек внимание, всплеск повторился. Зайдя в воду по лодыжки, увидел огромную рыбину, застрявшую в куче хвороста. Отсутствие чешуи и костяной панцирь по хребту не оставлял сомнений – передо мной была рыба из осетровых. Один из крепких и изогнутых сучьев бревна зацепил рыбу за жабры, насадив ее словно на крючок. Рыба, вероятно, дергалась, пытаясь освободиться, но это привело к тому, что комель придавил ей голову. Обессиленной жертве только и оставалось продолжать попытки освободиться ударами хвоста.

– Виктор, неси один из своих железных колышков, – когда Саленко принес требуемое, попытался пробить спину рыбине. Удалось лишь с третьей попытки – протолкнув колышек насквозь, нащупал под водой его острый конец. Ухватившись за разные концы колышка, рывком сорвал рыбу с сучка, оставляя на нем часть жабр. Не сделай я такого с колышком, осетр умудрился бы вырваться из моих рук. Даже с пробитым хребтом рыба едва не ушла. Сделав несколько шагов, вытащил его на камни – в осетре было примерно полтора метра. Подняв один из камней, несколько раз ударил по голове, пока осетр не перестал дергаться.

– У нас есть обед, – на мои слова Ада радостно захлопала в ладоши, впервые одарив меня улыбкой. Оставалось прокипятить воду, а потом сделать шашлык из осетрины, чтобы почувствовать себя счастливым. Но расслабленный улыб-

кой девушки, я упустил момент, когда ко мне подкрался Андрей. В глазах Ады увидел испуг, но не успел отреагировать, и сильный удар в область виска выключил дневной свет перед моими глазами.

Глава 6

Сознание долго цеплялось за спасительный сон, словно не желало возвращать меня в суровую реальность. Пульсирующая боль в области правого виска и затекшие руки мало предрасполагали к отдыху. Еще не открыв глаза, слышал, как довольно весело рядом переговариваются люди. Чуть приоткрыв глаза, всмотрелся: в десяти метрах горел костер, возле которого деловито суетилась Ада. Ее брат Данила сидел, прислонившись спиной к стволу дерева, наверное, его приволокли специально для него. В поле зрения попал Саленко, он, зайдя по щиколотки в воду, что-то усиленно полоскал. Андрия так и не увидел, в данный момент только этот амбал меня беспокоил.

Попробовал пошевелить пальцами связанных у запястья рук – пальцы работали, легкое покалывание и онемение свидетельствовали о недостаточном кровотоке.

– Очнулся, москаль?

Голос украинца заставил внутренне вздрогнуть. Увлеченный своими ощущениями и попыткой слегка разработать пальцы, не заметил Андрия, подошедшего со спины. Притворяться не было смысла – широко открыв глаза и немного запрокинув голову, увидел скалящегося украинца:

– Я так и понял, что ты рядом, запах сала так и не выветрился из тебя, дубина!

– Поговори мне, – Андрий слегка ткнул меня носком берца в правое подреберье, скорее обозначив удар.

– Только и способен на подлый удар, развяжи руки и подеремся честно, – мой выпад не имел успеха. Широко улыбнувшись, украинец проигнорировал вызов и направился к костру.

Судя по всему, приложил он меня знатно, если я валялся в отключке, пока солнце не нависло над горизонтом. Минимум пару часов, если не больше. За это время они только костер разожгли, да разделали рыбу – в руках археолога были куски рыбы. Промытые части он подносил Аде, та ловко нанизывала их на металлические колышки, как маринад на шампуры. В какой-то момент меня захлестнула невероятная злость – я, по сути, всех их спас во время непонятного катаклизма, защитил от стаи волков, распределил обязанности, не забывая о себе. Даже не стал пить воду больше других, хотя мог бы. А они спокойно занимаются готовкой пищи, даже не обращая внимание на недавнего лидера. Но я ошибался, среди разногласий услышал, как Ада недовольным тоном выговаривала Андрию за то, что тот так сильно ударил меня прикладом автомата. После ее слов стало понятно, почему он меня так легко вырубил – и вырубил основательно.

Значит, Виктор ненадежен, ведь именно на него я взвалил оба автомата без затвора. А сейчас и затворы у меня изъяты, и, судя по всему, нож с зажигалками.

– Не умрет, очухался он, лежит и глазищами зыркает, –

отмахнулся от слов девушки украинец, присаживаясь к костру.

– Виктор, посмотри, как он там, – археолог незамедлительно направился в мою сторону после слов Ады.

– Как вы, командир? – Саленко остановился в двух метрах.

– Я доверил тебе автоматы, но ошибся – для хохла нет понятия преданности и дружбы, – как можно более презрительным тоном отчеканил каждое слово.

– Командир, Артур, это не так, – горячо воскликнул археолог. Сделав шаг, он наклонился ко мне и зашептал:

– Когда вы сказали принести колышки, я сдуру положил оба автомата на камни, думал, что секундное дело. А он и воспользовался, – едва не всхлипнув, закончил шептать Саленко.

– Дурак ты, Виктор, – в сердцах ответил недотепа, – Я же ведь за всех старался. Ты и я прекрасно понимаем, что нет никакой Украины, да и России нет. Ты же видел собак, похожих на гиен. Когда такие животные могли водиться в Европе? Тысячи и тысячи лет назад, это значит, что мы во враждебной среде. А посмотри на них – развели костер, хохочут, дозора нет – враг голыми руками нас всех возьмет.

С каждым моим словом археолог втягивал голову в плечи, словно пытался защититься от слов, падавших на него. Мне было его жалко, но следовало добить:

– Теоретически остается вероятность, что нас просто те-

лепортировало в другую местность, а не телепортировало во времени, но ставка на это весьма ничтожна. А с таким руководством, как этот здоровый олух – прямая дорога к смерти. Жаль, что такой умный и адекватный человек также не понимает всей опасности нашего положения.

– Я понимаю, но автоматы у него. Еще он один дал Даниле, они, оказывается, кореша по работе, – слил информацию Саленко.

– А Ада что, тоже небось рада, что Андрий теперь рулит?

– Я бы не сказал, – ушел от прямого ответа археолог, – Но она вроде кузина Данилы, а тот горой за Андрия. Может принести воды, река чистая, дно видно даже на глубине полутора метров, – похвастался Саленко.

– Вы пили сырую воду?

– Андрий сказал, что такая чистая вода у него даже дома из крана не течет, вначале выпил он, мы только час спустя, – мой собеседник прятал глаза от моего взгляда.

– А если выше по течению парадохлых разлагающихся животных в воде? Дизентерии и прочей дряни захотелось, – я невольно повысил голос, привлекая внимание костра.

– Вик, что он говорит? – фамильярно обратился к археологу Андрий.

– Нельзя было пить воду из реки, – моментально ответил Саленко, отступая от меня на шаг.

– Да глупый он, – отмахнулся украинец, возвращаясь к

разговору с Данилой. Но Ада отреагировала, она оставила готовку, передав импровизированные шампуры брату.

– А что нам было делать?

– Мне еще никогда не приходилось валяться у ног девушки, посадите меня, – попросил ее и археолога. Самостоятельная попытка сесть была обречена на провал – лодыжки также были стянуты злополучной стяжкой.

– Все бывает впервые, – философски заметила Ада, тем не менее помогая Саленко посадить меня. Привалившись спиной к небольшому валуну, ответил на ее первый вопрос:

– Воду надо было прокипятить, на крайний случай – процедить.

– У нас посуды не было, – огрызнулась девушка, собираясь уходить.

– Как не было? А пустая канистра? А три поллитровые бутылки из-под воды?

– Так бутылки же пластиковые! – еще немного и Ада покрутила бы пальцем у виска.

– Плохо физику знаешь, я кипятил воду даже в бумажном стаканчике, сделанном из листка тетради, – основы выживания в ГРУ были поставлены хорошо. Даже было специальное занятие, когда нужно было придумать свой альтернативный вариант решения той или иной задачи.

– Мне надо жарить рыбу, – Ада явно разозлилась, но я добил ее следующим вопросом:

– А ты удалила хорду у рыбы?

– А зачем? Костей там вроде нет, а хорда – я даже не знаю, что такое... – девушка даже покраснела. Видать и готовить-то не готовила, жила на полуфабрикатах. То ли дело мы, детдомовские. Мы умудрялись и голубей приготовить на заднем дворе: особенно вкусными были пойманные в сентябре-октябре.

– Хорда осетровых ядовита, убить, может, не убьет, но с ног точно свалит. Это такой желтоватый стержень вдоль хребта, удали его. И чему только вас учат в вашей школе?

– Не нападать на суверенные страны, – показала коготки Ада, злая на мой менторский тон.

– Ну да, куда лучше гей-парады и факельные шествия нацистов, – не остался в долгу. Притихший Саленко участия в разговоре не принимал, стоял молча, переминаясь. На последние мои слова Ада не ответила – круто развернулась и пошла к костру, откуда ее дважды звал Данила, говоря, что угли готовы.

Спустя пару минут от костра поплыл дразнящий запах жаренной рыбы – мой пустой кишечник отреагировал громким урчаньем. Пока внимание у костра было отвлечено, попробовал развязаться, но пластиковые стяжки не зря так прочно вошли в арсенал полиции и спецслужб. Убедившись, что попытки безуспешны, начал обдумывать иной вариант освобождения. Очевидно, что Андрий не планирует устранить меня физически. Но и постоянно держать меня связанным

он не сможет – это один человек из группы вынужден будет все время приглядывать за пленником. Можно попытаться с ним договориться, временно проявив покорность судьбе. А как руки будут свободны, мне не составит труда вновь захватить власть. Саленко не станет помехой, скорее, даже будет рад. Позиция Ады не ясна, но вряд ли следует ждать активного противодействия. Данила все еще слаб, сам нуждается в посторонней помощи. Оставался всего один Андрий, и хотя он превосходил меня габаритами и обладал внушительной мускулатурой, проблемы я не видел.

«Помяни черта». Ухмыляясь, Андрий шел ко мне, поигрывая ножиком. Еще во время обыска трупов и сбора полезных ништяков обратил внимание на этот нож. Это был легендарный Бенчмейд Барраж из стали М390. У моего сокурсника был такой – острый, невероятно долго державший заточку, нержавеющий. Система крепления клинка была долговечной – за шесть лет учебы Дмитрий даже колол дрова этим ножом во время наших вылазок на природу.

– Стоило бы тебя уморить голодом, – нагнувшись, Андрий разрезал стяжку на ногах, – Но мы люди, а не орки, пошли есть.

Встал я не сразу, минуту пришлось подождать, прежде чем ноги обрели чувствительность. У костра слышалось только чавканье и шумное дыхание – полупрожаренные куски осетрины на пяти металлических колышках дразнили ароматом, заставляя слюну выделяться.

Мне, ожидаемо, достался самый невзрачный «шампур» – самые привлекательные были разобраны. Со стяжкой на руках не разгуляешься, после пары бесплодных попыток обратился к Андрию:

– Разрежь стяжку, я не могу есть.

– А ты положи на землю и попробуй на карачках, – расхохотался debil, довольный своей остротой. Только Данила пару раз хихикнул – Саленко молча жевал, а Ада метнула неприязненный взгляд на украинца. Отложив свой шампур, она подседа ко мне:

– Я помогу!

Было что-то умильное в том, чтобы отгрызать куски от шампура в руках девушки: игнорируя замечания брата и Андрия, Ада помогала мне принять еду. Шашлык из осетрины получился так себе – без соли и специй это было слегка подгоревшее мясо рыбы. Но желудок требовал еды, организм нуждался в энергии, и я продолжал есть.

– Спасибо, Ада!

Девушка молча пересела на свое место, продолжая прерванную трапезу.

– Что будем с ним делать? – наевшись, Андрий потянулся, широко раскидывая руки.

– Он враг, – первым отреагировал Данила, едва съевший половину своей порции.

– Который вытащил тебя из машины и спас тебе жизнь, –

вставил я свои пять копеек, заметив, как кивнула Ада, поддерживая мои слова.

– У него хорошие лидерские качества, вспомните нападение волков и как мы шли сюда, – подал голос в мою защиту Саленко.

– Он не доверил мне автомат, хотя была опасность, что сам не справится, – напомнил Андрий без особой злости в голосе.

– Ты неуправляем, импульсивен и злопамятен, мог использовать его против меня, – никто не собирался защищать меня, пришлось это делать самому.

– Они напали на нас, сколько людей погибло, он враг, и точка!

Этот еле выживший водитель Данила вызывал во мне откровенную неприязнь. И эта тварь говорит о нападении, после многолетних издевательств над жителями Донбасса? Теперь я откровенно жалел, что поступился главным правилом диверсанта – устранять врага при первой возможности.

– Но сейчас мы неизвестно где, Данила, и можно оставить эти разборки, пока не дойдем до своих, – Ада отложила в сторону шампур, добрая половина порции осетрины еще оставалась нетронутой. Либо качество еды ее не устраивало, либо девушка уже наелась.

На пару минут установилась тишина: Андрий рыгнул, спохватившись, извинился перед Адой. Та махнула в ответ, ти-

па чего уж там, рыгай себе на здоровье. По лицу украинца было видно – происходила внутренняя борьба. Он усиленно размышлял, мимика на лице менялась ежесекундно.

– Я не хочу его убивать, и держать все время связанным – тоже не вариант, – словно говоря сам с собой, Андрий медленно обошел вокруг костра. – Развязать ему руки опасно – попытается завладеть оружием и снова начнет вести себя как командир. Русские – они такие, – с обидой, выделяя слово «русские», продолжил украинец. – Самый лучший вариант – каждый пойдет своей дорогой, если ему повезет, доберется до своих, если нет – наша совесть чиста.

– Каких своих, идиот? – не смог удержаться от оскорбления, – Нет ни моих, ни твоих. Мы черт-те где, неизвестно даже, Земля это или другая планета. А может, это Земля, но мы находимся за тысячу лет до появления цивилизаций, в эпоху мамонтов.

– Это не эпоха мамонтов, – встрял в разговор Саленко. Мы синхронно повернули головы в сторону археолога. Водушевленный вниманием, Саленко начал загибать пальцы:

– Река, растительность, температура окружающей среды, стая волков и собак – все это могло быть только после ледникового периода. Мы на этапе постгляциального развития, предположительно, во временном периоде от десяти до пяти тысяч лет до нашей эры.

– Откуда такой временной промежуток?

На мой вопрос археолог торжествующе улыбнулся и из-

влек из кармана осколок камня. На его ладони лежал каменный наконечник стрелы – сделанный довольно топорно, но сомнений не было – это был наконечник.

– Что это? Где нашел, почему раньше не показал? – посыпались вопросы. Саленко поднял руки, защищаясь от нападков:

– Я нашел его час назад, когда мыл руки. Мне надо было все осмыслить, понять, к какому культурному пласту относится находка.

– И к какому? – Ада оперлась о мое плечо, ожидая ответа археолога.

– На территории современной Румынии, Молдавии, части Венгрии существовало два основных культурных пласта – пласт культуры Докриша и пласт культуры Протосесккло. Ориентировочный период этих пластов от 7000 до 3000 лет до нашей эры. Были еще несколько менее значимых пластов, стоянки людей с ямной культурой находили и раньше этого периода. На раскопках находили даже фигурки людей и зверей, вырезанных из костей и рогов животных. Многие ошибочно полагают...

– Подожди, профессор, – перебил я увлеченного археолога, – Почему вы решили, что наконечник свежий? Может, он находился в воде сотни, тысячи лет, и мы совершенно в другом периоде времени, ближе к нашей эре.

– Друг мой, – Саленко довольно улыбнулся, – Я видел

столько наконечников из раскопок, что могу легко понять и отличить свежеизготовленный от пролежавшего много времени.

Это была минута славы Саленко, он впервые стал центром внимания. Победоносно оглядев всю группу, археолог пояснил:

– Я нашел его в воде, но края наконечника нисколько не обточены водой. Этим сколам, – палец Саленко провел по боковым лепесткам, – максимум пара лет, видны даже царапины, оставшиеся при обработке поверхности. В древности эти земли были довольно густонаселены – стойбища встречались на расстоянии пары дней пути. И судя по останкам, что находили мои коллеги, племена неолитической Европы постоянно враждовали между собой.

– А может, это реконструкторы? – неуверенно протянула Ада, перспектива жизни в каменном веке ей казалась ужасной.

– Вспомни собак, такие твари не водились в Европе, когда правили римляне, греки, – Саленко не мог скрыть своей радости. На вопрос Андрия, чему он так радуется, последовал вполне ожидаемый ответ. Археолог был вне себя от возможности на месте изучить зарождение первых цивилизаций. Но последняя его фраза меня удивила.

– Исходя из всего сказанного, я считаю, что нам надо держаться вместе, Артур нам очень нужен, я голосую против его изгнания.

Против оказалась и Ада, не смутившаяся под злым взглядом своего брата. За мое изгнание высказался Данила и сам Андрий. Верзила даже поколебался минуту, прежде чем высказать свое мнение. Настал момент, когда надо было все брать в свои руки.

– Двое за, двое против, мой голос, как я понимаю, вы не учтете?

– Не учтем. Может, сам сделаешь доброе дело и исчезнешь? – не скрывая раздражения, зло ответил Данила, нервно закидывая автомат на плечо.

Проигнорировав его слова, я продолжил:

– Если информация Виктора верна, мы находимся во враждебной среде, где каждый мужчина на вес золота.

Поймав взгляд Ады, исправился:

– Каждый человек бесценен, и им надо дорожить. Так как голосование ничего не дало, предлагаю другой вариант.

– Какой? – синхронно спросили сторонники моего изгнания из группы.

– Предлагаю поединок: если выиграешь ты, Андрей, я признаю твое лидерство и приношу тебе клятву верности, безоговорочно выполняю все твои указания.

– А если выиграет москаль? – Данила умышленно говорил обо мне в третьем лице.

– А если выиграет москаль, то вы, хохлы, приносите мне клятву верности и выполняете все мои указания.

Данила скривился, отрицательно качая головой, Ада выслушала с каменным лицом, даже не моргнув при слове «ХОХЛЫ».

– Возможно, это самый лучший вариант, – Саленко говорил медленно, словно оценивал реакцию на свои слова, – Вопрос лидерства должен быть решен раз и навсегда.

Андрей молчал минуту, критически оглядывая меня. В военной форме он выглядел статно, почти на полголовы выше меня и шире в плечах. Я в своей полуспортивной форме и черных джинсах рядом с ним казался мельче и щуплее.

– Согласен, – ответил украинец, несмотря на предостерегающий возглас Данилы.

– В таком случае развяжите меня и дайте полчаса на восстановление, – я протянул руки. Андрей достал из кармана нож и ловким движением разрезал стяжку. Автомат в его руках неотрывно смотрел на меня, даже когда я ушел за гору хвороста на отмели. Как учил наш инструктор по рукопашному бою – лучше всего драться с пустым мочевым пузырем.

Глава 7

Прошел примерно час, прежде чем я почувствовал себя готовым к драке. Недооценивать Андрия было бы глупо, сложен был хорошо, хотя лишний вес имелся. Готовясь к драке, украинец активно разминался – сняв военную куртку, Андрий остался в тактической футболке, неплохо прорисовавшей грудные мышцы моего соперника. Андрий активно размахивал руками, нанося боксерские двойки по невидимому противнику. Я же уделял основное внимание растяжке ног – как говорил наш инструктор по рукопашному бою: ноги – главное оружие и главная слабость человека.

По тому, как разминался украинец, было ясно – ставка на нокаутирующий удар. Это работает против обычного соперника, но против него был выпускник военной академии ГРУ РФ. Одного акцентированного удара по поверхности бедра достаточно, чтобы человек захромал, теряя мобильность. А три сильных удара практически валят его с ног, особенно если мышцы бедра не разогреты.

Для схватки выбрали место прямо на отмели – ее размеры позволяли провести даже футбольный матч. Левый конец отмели, ниже по течению, был забит стволами деревьев и ветками. За ним шли валуны, и выше по течению была относительно ровная площадка с твердым слоем ила. Река веками разливалась, ил оседал и образовал место для нашего

боя. Ноги в иле не вязли, лишь слегка продавливаясь под весом тела.

Опираясь на палку, Данила о чем-то шептался с Андрием, последний бросал быстрые взгляды в мою сторону. По лицу Ады было трудно что-либо понять, но в глубине души я понимал, что девушка желает мне победы. Саленко даже не скрывал, на чьей стороне его симпатии, за последний час археолог сильно вырос в моих глазах. Мало того, что он довольно смело высказывал свою позицию, так и оказался неплохо осведомлен. В нашем положении Саленко представлял наиболее ценный ресурс, и его следовало беречь.

– Готов, москаль? – Поигрывая плечами, словно профессиональный боксер, Андрій сделал пару шагов, занимая позицию у края площадки.

– Съедаю хохла на завтрак, жаль, придется поужинать тобой, до завтрака еще далеко, – я остановился у своего края. Между нами было метров десять, в ширину площадка доходила до пяти, вполне достаточно, чтобы два человека выяснили, кто сильнее. Мы сделали пару шагов навстречу и остановились друг против друга.

– По моему сигналу, – прокричал Данила, и едва я отвернулся от него, прозвучал одиночный выстрел. Инстинктивно пригнувшись, я повернул голову в сторону идиота, тратящего патроны, чтобы обругать его матом и едва не пропустил нападение. Как разъяренный бегемот, украинец ринулся на меня, вкладываясь в боковой удар. Так вот о чем они шеп-

тались с Данилой – как всегда, не обошлось без подлости. А ведь расчет был верен – выстрел отвлек мое внимание на секунду – времени достаточно для внезапной атаки и удара. А ведь полади Андрий – бой бы закончился.

Я успел уйти из-под удара в последнее мгновение – кулак просвистел, умудрившись взлохматить волосы на затылке. Украинец так вложился в удар, что по инерции сделал два шага, открываясь со спины. Я мог прыгнуть ему на спину, проводя захват шеи и обвивая ногами торс. Растянув соперника, удушил бы через двадцать секунд, но это было слишком просто. Подлость должна быть наказуема, а отбитые мышцы бедра на неделю заставят его хромать.

– Ловкий, сука, – выдохнул Андрий, разворачиваясь. Встав в боксерскую стойку, он начал медленно продвигаться вперед, периодически выкидывая джеб левой рукой. Отвечать на оскорбления во время боя глупо – только зря используешь кислород не по назначению. Дождавшись его очередного шага, молниеносно провел лоу-кик по внутренней поверхности левой ноги украинца. Андрий боксировал в классической левосторонней стойке. Удар получился классный – он пришелся на момент, когда Андрий переносил вес тела на левую ногу. Сам удар не столько болезненный в момент его нанесения, сколько в последующие минуты.

Я медленно отступал, наблюдая за походкой украинца, его шагжки стали чуть короче, и он старался не переносить вес на левую ногу. Пробыл, значит! Но радоваться было рано –

дважды Андрий умудрился убрать ногу из-под моего удара, а один раз я зацепил ее уже на весу. Украинец едва не потерял равновесие, но быстро отскочил назад, разрывая дистанцию.

– Что ты с ним возишься, завали его, – возмущенно прокричал Данила, не понимавший, почему Андрий медлит. Но украинец был не дурак – оценив силу и скорость удара, он не собирался подставляться снова.

Улучив момент, когда Андрий не сводил глаз с моих ног, одним рывком преодолел дистанцию и провел хук, но украинец сумел уклониться. Более того, встречным ударом попал мне по подбородку, но несильно. Сближаться для размена ударов с ним не стоило, Андрий однозначно занимался боксом, и, похоже, на серьезном уровне. Отступая, я дошел до края площадки, украинец неотвратимо надвигался, лишая меня возможности маневрировать. Это не ринг, где пространство ограничено канатами, но роль канатов выполняли камни. Неудачно отскочишь в сторону – и не избежать падения, а может, и травмы.

В глазах украинца промелькнуло удовлетворение – он уже не попадался на лоу-кики, а я находился практически в западне. Слева и справа довольно крупные булыжники разной формы – по ним не пробежишься, как по илу. Первыми начали движение плечи – удар боксера виден по плечам. Не дожидаясь, пока его кулаки достигнут меня, нырнул под ноги и рывком оторвав его от земли, бросил через себя на землю. Оглушенный падением, Андрий не успел среагировать,

когда, сев ему на спину, я завел руку под шею и перехватил ее правой, начиная душить.

И тут украинец совершил типичную ошибку – начал вставать в партер, пытаясь сбросить меня. Обхватив его туловище ногами, я сцепил их на животе Андрия и рывком повалил украинца на себя. Сцепленные ноги тянут туловище противника вниз, а захватом рук выгибаешь его на себя – капкан, из которого не выбраться.

К чести украинца, он продержался долго, прежде чем обмяк. Я душил его, невзирая на крики Данилы, кричавшего, что это нечестно. И только выстрел из автомата заставил меня разжать удушающий захват

– Ты убил его? – в глазах Саленко был страх, он первым бросился к лежащему Андрию.

– Нет, только усыпил. Побей его по щекам, сбрызни водой, придет в себя, – пытаясь отдышаться, я направился в сторону Данилы.

– Не подходи, – парень направил ствол автомата в мою сторону, но выстрела я не боялся. В глазах Данилы был страх, смешанный с уважением.

– Мы договорились о поединке, – отведя ствол в сторону, забрал из рук оторопевшего парня автомат. Два других лежали рядом, чуть дальше валялась разгрузка с магазинами.

– Где пистолет? – на мой вопрос Данила мотнул головой в сторону куртки Андрия. Пистолет в кобуре лежал на камне,

заботливо прикрытый курткой украинца. Опясавшись, взял один из автоматов, долго думал, что делать с другими, но решил довериться чутью. Данилу я не опасался, а Андрий, если скрасить горечь его поражения в драке, тоже должен смириться. Он уже пришел в себя и сидел на земле, окруженный вниманием Виктора и Ады. Я даже почувствовал ревность при виде бегающей возле него девушки.

– Андрей, ты отлично дрался, был момент, когда решил, что мне конец. Сегодня мне просто повезло, мир? – протянул руку украинцу. Тот колебался недолго, хрипло выдохнув

– Повезло тебе, москаль, – пожал протянутую руку.

Этому психологическому приему тоже учили в академии – никогда не унижать поверженного противника, не переводить его в стан ненавидящих. Наоборот, проявив уважение к проигравшему, можно скрасить горечь его поражения, приглушить чувство мести.

– Данила еще не совсем здоров, присмотришь за ним и его автоматом, каждый патрон надо беречь, – украинец кивнул, соглашаясь. Мои слова, высказанные в форме просьбы, немного улучшили его настроение. Даже в глазах зрителей, видевших его поражение, просьба немного поднимала его статус, и Андрий это оценил.

– Не вопрос, патроны надо беречь, неизвестно с чем еще столкнемся, – грузно поднявшись с моей помощью, Андрий зашагал в сторону Данилы. Я не стал давить на него, ему еще нужно было смириться с изменившимся положением. А мне

предстояло много работы, потому что надвигались сумерки, а значит, скоро могут появиться хищники.

– Вик, неси пустую канистру. Ее надо несколько раз прополоскать водой, затем набрать и вскипятить воду. Вылить кипяченую, набрать заново и вскипятить. Ее и будем пить, как остынет.

– Мы пили сырую, ничего не случилось, – Саленко несколько обескураженно смотрел на меня.

– Еще не вечер, дизентерия может проявиться и позже. Если бы это был родник или ручеек горный, то я бы и сам выпил. Но это полноводная река, в ней миллионы рыб, лягушек, змей и трупов животных. Глупо выжить после такой катастрофы и умереть от кишечной инфекции.

Археолог спорить не стал, оглянувшись в поисках Ады, нашел ее по щиколотки в воде. Девушка скинула свои кроссовки и, закатав военные брюки, наслаждалась прохладой воды.

– Ада, – резко развернувшись на мой голос, она чуть не упала.

– Меня беспокоит твой брат, он еще не здоров, и рискованно его нагружать путешествием. Переждем на этом месте несколько дней, но нам надо сделать что-то наподобие хижины, где можно укрыться на ночь.

– А я при чем? Или ты разглядел во мне строителя? – удивительно, как могут такие прелестные губы говорить такие

колкости.

– Просто ставлю в известность, чтобы вы не решили, что я самостоятельно принимаю решения.

– Если Виктор прав, какой смысл во всем этом? – девушка явно была раздражена, – Нас убьют дикие звери или дикари. Куда нам идти, чем заниматься, об этом ты подумал, стратег?

– Мы все обсудим и решим голосованием, но я не собираюсь умирать от страха перед хищниками или дикарями, – пожалев, что заговорил с ней, пошел к Андрию. Предложение сделать хижину украинец поддержал. Строительного материала было вдоволь: разнокалиберных стволов деревьев было не менее пяти десятков. Не считая огромного количества веток и деревцев потоньше. После недолго совещания решили сделать что-то типа навеса. В одном месте берег круто обрывался вниз – подкатив туда пару валунов, получили две точки опор для бревен.

Опираясь на палку, присоединился Данила, скорее мешая своими советами, чем принося реальную пользу. Пока волокли бревна и валуны к месту будущего навеса, упарились. Раздевшись по пояс, продолжили работу: мои предположения оказались верны. Украинец начинал понемногу заплывать жирком, но мышечная масса была впечатляющей.

Уложив несущие бревна одним концом на валуны, а вторым на край обрывчика, получили основу навеса. Тонкие стволы и ветки укладывались поперек.

– Накидаем сверху травы, будет защита от солнца, да и от дождя немного защитит, – Андрий смахнул пот с лица. – Ты вроде тощий, Артур, но силой Бог не обидел, – польстил мне мой недавний противник.

– До тебя мне далеко, – вернул комплимент. В целом, этот парень меня не раздражал, в отличие от Данилы. Где-то подсознательно чувствовал опасность, исходившую от брата Ады. Он как шакал Табаки, сам силенок не имеет, но готов всегда настроить против тебя людей. За ним нужно приглядывать, сразу видно, что парень привык манипулировать людьми. Да и проверить бы его надо – если он отошел от сотрясения, зачем ковыляет с палкой? Усыпляет бдительность, создает образ слабого и немощного?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.